

Анна Мария Роу

Тебе не поймать меня

16+

Анна Мария Роу
Тебе не поймать меня

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Роу А.

Тебе не поймать меня / А. Роу — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Маленький городок Сент-Айвз, где все про всех всё знают. Здесь никогда не происходит ничего интересного, страшного или таинственного. История проходит мимо таких мест. Но все не так, как кажется. Старые усадьбы скрывают тайны древних родов. Произошло убийство. А молодой маг, приехавший в провинцию на отдых, решил найти истину в паутине лжи и притворства. И все бы ничего. Только вот убийца — ТЫ!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пролог

За окном разыгралась непогода. Ветер ломал ветви деревьев в парке, срывал листья. Холодный дождь заливал оконные стекла, ревел в водосточных трубах. В темноте летней ночи гремел гром, сверкали молнии.

В кабинете догорал камин, бросая скудный свет на глубокие кресла, низкий журнальный столик с двумя бокалами и полупустой бутылкой вина. А еще освещал стену, на которой по прихоти хозяина было развешено раритетное оружие: два вычурных пистолета-близнеца, антикварное ружье, несколько замысловатых кинжалов и шпаг, сабля и морской кортик, по слухам, принадлежащий самому известному пирату Черной Бороде. Еще одну стену занимали книжные шкафы с дорогими книгами, еще допаровой эпохи. На другой, в тяжелых золоченых рамах, висели картины италийских мастеров. Господин Ларкинс был известен своей тягой к редкостям.

Центральное место в комнате занимал солидный письменный стол с множеством ящичков. Модная лампа на элементарном кристалле освещала стопки документов, бухгалтерские книги, долговые расписки. Обычно аккуратно сложенные, сегодня они были разбросаны в беспорядке, несколько бумаг валялось на полу. Неслыханное дело для чистоплотного и педантичного человека.

Старик с лысеющей седой головой сидел за столом и, злясь на весь мир, писал очередной черновик письма. За его спиной неслышно открылась дверь, впуская в комнату девушку в вечернем платье.

– А, это ты! – господин Ларкинс сухо прокашлялся. – Наконец-то явилась! Подожди, милочка, я и с тобой разберусь...

Гостья, как под воздействием дурмана, ни слова не говоря, подошла к оружейной стене, сняла один из револьверов (все в доме знали, что старый параноик держал их заряженными), навела пистолет на ничего не подозревающего мужчину и нажала на курок.

* * *

Когда звук выстрела утонул в раскатах грома, как наваждение ушли и злость, и ярость, и обида. Бешеные чувства схлынули, как прилив. Пришло очень острое осознание непоправимости содеянного. Нельзя ведь отмотать время вспять, хотя бы на несколько секунд...

Я не просто УБИЙЦА. Я еще и убила НЕ ТОГО человека!

Глава 1

Утром этого дня

По обыкновению я спустилась в столовую первой. В небольшой светлой комнате был уже сервирован сытный завтрак. Традиционные блюда на семейном фарфоре, который продать не получилось из-за того, что не хватало одного блюда. Традиционный чай и кофе. И плохо отполированное серебро.

Я едва успела присесть на стул и как следует разглядеть льняную салфетку, как влетела Лаура.

– Утро доброе, сестренка! – прошептала девушка и ритуально чмокнула меня в щеку.

– Доброе, – ответила я, рассматривая свою жизнерадостную сестру. В отличие от меня, получившей от природы высокую стройную фигуру, прямые темные волосы и серые глаза, Лаура Мария была миниатюрной шатенкой с вьющимися волосами цвета молочного шоколада, а глаза были скорее голубые. Обворожительная, с веселым легким характером, сестра привыкла купаться во всеобщем восхищении. Когда надо, она умела произвести хорошее впечатление. О ее эксцентричном темпераменте, казалось, знали только я и бабушка. Отец же боготворил младшую дочь и часто потакал ее капризам. – Как спалось?

– Чудесно! – девушка брезгливо наморщила свой маленький носик, одним пальчиком отодвинула тарелку с омлетом и беконом. Подумав, она притянула к себе сыр и жаренные тосты, налила яблочного сока. – Не начинай!

Спор о том, как следует завтракать юной леди между нами возникал с завидной регулярностью. Я придерживалась мнения, что утренний прием пищи должен быть основательным и плотным, сестра же увлеклась модным веянием, что леди необходимо питаться как птичке.

– Кстати, когда у нас опять будет нормальный апельсиновый сок?

– Когда у нас будут деньги.

Семнадцатилетняя девушка пожала плечами:

– Ты можешь быть такой скучной, Белла!

Ну да, не ей же решать, как растянуть невысокие доходы, чтобы никто не догадался о бедственном положении дел родовитого семейства. Надо придумать, как расплатиться с прислугой: кому-то в этом месяце, кого-то попросить еще подождать. Счета от мясника, молочника, портного, сапожника... Они тоже требовали оплаты. Дом, милый дом, хранящий память предков, нуждался в ремонте. Кристаллы отопления и освещения регулярно разряжались. Сад пребывал в запустении. Даже выбираясь на балы нам приходилось перешивать платья по несколько раз, одалживать у замужней старшей сестры ленты, веера, а то и туфли. От отца помощи не было.

– Кстати, Стелла приглашает нас на обед в ЛилиХолл. Она распорядилась прислать за нами коляску! Обещает что-то вкусненькое на десерт! А еще, представь себе, она пригласила Оскара Эрттона и его друга. Помнишь, я рассказывала?

– Джентльмен из Люнденвика? – сложно было бы забыть! Про молодого человека из столицы девушка щебетала уже без малого три дня.

– Да. Говорят, он служит при дворе Ее Императорского Величества, а еще, что он самый настоящий граф! Или герцог?

– А на меньшее ты не согласна?

Сестра фыркнула.

– Доброе утро, девочки! – громогласно объявил вошедший мужчина. Наш отец вообще ничего тихо делать не умел.

Щуплый, щеголеватый, щепетильный в мелочах. Человек доброго нрава, но абсолютно безалаберный и безответственный: пока я не стала достаточно сознательной и не взяла финан-

совые дела семьи в свои руки, умудрился спустить все деньги, доставшиеся в приданное жене. Наша покойная мать была аристократических и магических кровей, но брак был по любви и без одобрения родственников.

Джон Леонард Уильярд (вопреки традициям, он взял фамилию жены) умудрялся вкладывать деньги в самые невероятные аферы. Да, иногда они приносили деньги, но чаще – одни убытки.

При удачном стечении обстоятельств он становился щедр, дарил нам подарки – новые серьги, браслеты или ленты. Оплатить какие-нибудь из бесконечных счетов, он не догадывался. При очередном фиаско замыкался, надолго закрывался в кабинете, а потом вновь загорался новой сумасбродной идеей, что-то продавал, в который раз закладывал часть земли. Как ни печально, но право подписи все равно оставалось за главой семейства. Ни одно решение не могло быть принято без его одобрения.

Когда его невыразительные глаза сияли, жесты были порывисты, а походка летящей – стоило ждать беды: отец нашел еще один «гениальный» план.

– Доброе утро, папочка! – Лаура поцеловала родителя в щечку. Мне от отца достался вежливый кивок. – Мы с Изабеллой хотим вечером съездить на обед к Стелле.

– Отличная мысль, солнышко! Я тоже составлю вам компанию. У меня дела к господину Ларкинсу.

Я тщательно прожевала кусочек тоста, запила чаем. Плохие предчувствия сбывались: всем в округе было известно, чем нажил состояние сей господин.

– К вредному старикашке? – Лаура жеманно скривилась.

– Зачем? – я еле сдерживалась.

Джон Леонард поковырял вилкой в омлете.

– Опять яйца? Изабелла, дорогая, прикажи кухарке следующий раз приготовить рыбу. Семгу или осетринку.

– Семгу? Осетрину? Отец! Мы практически нищие! Откуда у нас деньги!?

– Масенькая, – засюсюкал папочка, заводя излюбленную песню. – Просто временные трудности. Но не гоже джентльмену терять достоинство перед лицом испытаний! А какое достоинство без рыбки, а?

Когда-то я ему верила. Каждому слову. Поддерживала в любом начинании. От былого восхищения осталась горечь разочарований.

– Рыбки? Да мы даже мойву себе позволить не можем!

– Все вот-вот изменится. Поверь! Я все делаю для вашего благополучия. Все это видят! Кроме тебя!

– Ах да, конечно! Только дела наши все хуже и хуже. Зачем тебе к господину Ларкинсу нужно?

– Я хочу вложить средства в строительство новой железной дороги в колониях. Через год-два...

– Ты собираешься заложить у Ларкинса Сосновую рошу?

– Всего лишь на год или два.

– Но это же... наше приданное. Последнее, что осталось у нас из земель... Мы станем бесприданницами... Без источника дохода. Да мы по миру пойдем!

– Ты как обычно все преувеличиваешь! Надежный человек ...

– За игрой в карты!

– ... сказал мне, что дело выигрышное. И вложить-то надо всего какие-то пустяки.

Весь остальной день превратился в скандал.

Я уговаривала, умоляла, требовала, унижалась. Подробно описывала наше положение, трясла стопкой счетов и бухгалтерскими книгами. Даже плакать пыталась. Отец же весело курил трубочку, повторяя, что все будет хорошо. Смеялся, убеждал, что его очаровательных,

воспитанный и образованных детей возьмут замуж и без приданного. Стелла Сюзанна вот ведь вышла же.

Тут я все-таки вспыхнула. Образованием и воспитанием занималась бабка по материнской линии. Именно она и оплачивала наших учителей. А Стелла вышла замуж за первого, кто предложил – за вдовца не первой молодости с двумя детьми. Лишь бы уехать из родного дома.

Отец улыбнулся: «Вот видишь, все устроилось как нельзя лучше!».

В гневе я выбежала в сад.

Долго гуляла по заросшим тропинкам, пытаюсь успокоиться и найти выход из ситуации. Перспектива пугала: бедность, позор, участь старой девы. Не только для меня, но и для сестры. Куда нам пойти? Что делать? Гувернантками в более обеспеченные дома? Содержанками? Или сразу на работу в «Розовый коттедж»?

В душе бушевал коктейль из ярости, обиды и беспомощности. Я не находила выхода.

Наш юрист, на мою просьбу сделать хоть что-то, лишь краснел, бледнел и блеял, что закон на стороне моего отца. Местный священник призывал больше жертвовать и молиться Единому.

Я злилась, кипела, рвала и метала... Но надо успокоиться, надеть привычную маску холодности и пойти собираться на этот демонов сестринский обед!

* * *

Если я ту же затянула корсет да сменила лиф к повседневному наряду на более открытый, то Лаура отнеслась к сборам более ответственно. Платье было самым новым в ее гардеробе, голубое, с самым смелым декольте, со шлейфом, оборками и симпатичным турнюром. Украшения подчеркивали свежесть юной кожи, умелый макияж маскировал только ей видимые недостатки.

Она даже мне помогла сделать прическу. Как в модном журнале, что мы видели у одной из подруг. Спереди волосы были высоко зачесаны, на макушке и ниже уложены замысловатыми петлями, сзади локоны мягко падали на шею. Я в своей темно-синей одежде казалась ее тенью.

Едва мы поднялись на крыльцо, как к нам навстречу вышла хозяйка ЛилиХолл – наша сестра Стелла Сюзанна Роббинсон. Невысокая шатенка с рыжеватым отливом выглядела вполне счастливой и довольной жизнью. После жизнерадостных приветствий она потащила нас троих в дом.

– Я как можно скорее обязана вас представить! Такие прелестные господа! Папа! Не смейте уходить! Дядюшка уже в гостиной. Он нашел в лице лорда Мансфилда образованного собеседника. О делах вы можете поговорить и после обеда. Тем более – погода портится. Вам придется остаться на ночь!

Никогда не считала Стеллу очень умной особой. Разве можно назвать мужчину прелестным созданием? Сомневаюсь, что таинственный господин Мансфилд обрадовался бы такой характеристике.

В просторном зале с высокими потолками, стенами, обитыми темным шелком с рисунком лилий, дубовым паркетом и тяжелой мебелью собрались уже все приглашенные на обед. За стрельчатыми окнами с бархатными лиловыми портьерами был виден ухоженный парк. В отличие от мрачного и холодного ЛилиХолла, он казался светлым и таким уютным.

– Изабелла! Ты опять замечталась? – вернул меня в реальность голос старшей сестры. – Позволь тебе представить лорда Джеремайю Мансфилда.

Я сделала положенный по этикету реверанс. Мужчина поклонился, поцеловал руку, сказал дежурный комплимент. И Стелла занялась сватовством Луизы. Иначе сложно назвать. Речь была на грани приличий, реверанс младшей слишком низким, а голубые глазки так и стреляли в сторону нового кавалера. Хозяйка дома старательно отодвигала парочку подальше от остальных, чтобы потом незаметно оставить их в относительном одиночестве.

Оскара Эрттона мы уже знали. Несколько лет назад он приобрел поместье недалеко от нашего УильдРивер, но нечасто там бывал. Пару раз все-таки посетил балы, что проводились в нашем небольшом городке. Говорили, он владеет какими-то фабриками на севере. Стройный блондин с вьющимися локонами до плеч, с выразительными карими глазами, с тонкими, немного женственными чертами лица и без титула барона был бы хорошей партией. Однако ходили почти достоверные слухи про его помолвку. Но, к моему стыду, некоторые наши девушки на выданье считали, что невеста – не жена, а жена – не стена, подвинется. Он обладал широким кругом интересов, и был на самом деле интересным собеседником. Мы разговаривали несколько раз и от этих бесед у меня осталось только благоприятное впечатление. Во мне же им было оценено в первую очередь полное отсутствие попыток флиртовать.

– Леди Изабелла? Вы хорошо себя чувствуете? – поинтересовался барон Эрттон тихим бархатным голосом. – Вы бледны.

– Ничего страшного. Переволновалась немного.

Мужчина хохотнул.

– Боюсь, что Джеремайя не оценит ваших переживаний. Как и усилий ваших сестер.

О Небо! Стыдно-то как!

Я еще раз взглянула на столичного гостя. Он с ледяным выражением слушал чирикающие мои сестры. Отец подошел к небольшому круглому столику с выпивкой, вокруг которого сидели хозяин дома, его старший сын и проклятый господин Ларкинс. Заплывший жиром коротышка Альбрус Карл Роббинсон походил на вечно сонного мопса. Пухленькие ручки он любил скрещивать на круглом животике, в минуты раздражения постукивал по полу ножкой в домашней туфле, иногда мог захрапеть в самый разгар беседы. На фоне мужа элегантно одетая в розовое Стелла Сюзанна выглядела еще более эффектно. Как выяснилось после свадьбы, господин Роббинсон оказался безвольным человеком, полностью зависимым от финансов его дяди, Самюэля Авраама Ларкинса. Стелла и Альбрус высказывали старику всевозможное почтение, но отлично помнили, как легко он может вычеркнуть их из завещания.

Марк Аврелий Роббинсон-младший наоборот был тощим, высоким, как жердь, молодым человеком с блеклыми волосами. Всего на год младше своей мачехи. Он учился в престижном университете, тщательно следил за своим внешним видом и втайне испытывал презрение к провинциальным нравам. Юноша манерно держал в руках бокал аперитива и украдкой следил за Стеллой.

– Вашему другу сегодня уготована роль главного блюда на сегодняшнем обеде, барон, – к нам подошла чета Куинси – молодящаяся женщина в безвкусном платье и просто одетый джентльмен средних лет.

– Леди Агнес, мое почтение, – улыбнулся барон Эрттон и поцеловал протянутую ручку в белой перчатке. Я присела в очередном реверансе. – Вы обворожительны.

– Ах, спасибо! – Агнесс Куинси кокетливо тронула его кисть кончиком веера. В своей жизни она в совершенстве умела делать три вещи: бесстыдно кокетничать, лгать и притворяться невинной овечкой. Кстати, она считалась лучшей подругой моей старшей сестры.

Лорд Стивен Арнольд Куинси молчаливой тенью следовал за женой. Крупной комплекции мужчина производил тяжелое впечатление. А эти его свисающие усы и пропахшая табаком одежда!

– Откройте нам тайну, Ваша Милость, ваш друг в самом деле граф? – женщина профессионально стрельнула глазками: в угол, на нос, на объект.

– Да, это правда. К тому же он служит при дворе Ее Императорского Величества. В отделе по расследованию магических преступлений.

– Фи! Как приземленно!

– Вы удивили меня, леди Агнесс. Обычно, женщины считают его работу романтической.

– Работать? Удел плебеев! Как может граф и работать?!

Она что-то еще говорила, а я рискнула еще раз взглянуть на странного графа-сыщика. Джеремайя Мансфилд был высоким русоволосым мужчиной с безупречной осанкой и элегантными жестами. Он производил впечатление воспитанного, сдержанного джентльмена. Красив? Пожалуй, нет. Слишком хищное лицо, губы жесткие, а глаза колдовские, зеленые. И старый шрам над левой бровью.

Он словно почувствовал, что за ним наблюдают. Словил мой взгляд, краешек губ едва уловимо дернулся. Улыбка его совсем не красила.

– Он, к тому же, маг.

– Маг? – всплеснула руками Агнесс. – Тогда я ничего не понимаю!

Барон Эрттон и леди Агнесс перемолвились еще парой фраз о погоде. А еще о новом решении мера или о предстоящем бале, не помню точно. Когда мы проследовали в столовую, я краем глаза заметила, как Ларкинс приостановил леди Куинси и прошипел ей чуть ли не в ухо: «Мое предложение все еще в силе...». Агнесс раздраженно вырвалась из хватки старика, что-то пролепетала своему мужу, оправдываясь.

* * *

Столовая производила такое же неприветливое впечатление как и весь дом. Мрачные тона и лилии на шелковых обоях навевали беспокойство. Столичного графа посадили, конечно же, рядом с Лаурой. Сестра старалась изо всех сил, но мужчина был холоден и безупречно вежлив.

Погода стремительно портилась. Завывал ветер, обещая бурю. Первые капли дождя упали еще до того, как гости вернулись в гостиную после обеда: играть в карты, читать стихи, разговаривать о политике или слушать, как Стелла играет и поет на фортепиано. У нее был чудесный голос.

Отец и господин Ларкинс покинули общество практически сразу, где-то в половине восьмого. В моей голове был уже четкий план действий и никто не смог бы меня остановить. Отец всегда быстро подписывал документы, а старик-ростовщик сразу же уходил, он не боялся оставлять посторонних в кабинете. Через полчаса я предупредила хозяйку, что хочу уединиться в библиотеке и попросила принести туда чай.

* * *

В библиотеке меня и нашел Джеремайя Мансфилд.

Я выпила уже вторую чашку остывшего чая, съела пирожное и пыталась успокоиться. Руки дрожали, буквы прыгали перед глазами, и я не смогла бы ответить, какой именно сонет я сейчас читаю. Мне нужно было вернуться в гостиную. Срочно! Слишком долгое отсутствие выглядело бы подозрительным. Но выйти отсюда я не могла. Ноги не держали.

– Леди стало скучно в нашем обществе? – граф подошел и бесцеремонно уселся рядом на диванчик. Репутации конец! Но я не могла еще и об этом переживать.

От его спокойного и немного ироничного голоса стало еще больше не по себе. Вспомнилось, что он из отдела каких-то там преступлений. Наверное, не одного убийцу на плаху отправил, а я ... я ведь... у меня и алиби нет!

– Я немного устала, лорд Мансфилд.

– Любите читать, леди?

Повисло молчание. Надо что-то сказать! Неприлично оставаться девушке наедине с малознакомым джентльменом. И вообще там труп в кабинете! А оружие убийства под моей юбкой спрятано! А разговариваю я, между прочим, со следователем!

– Леди Изабелла, вам плохо?

Нет, демон, мне офигенно хорошо! Может в обморок упасть? Сестрам всегда помогает. Да вот может выйти недостоверно, сноровки маловато!

– Простите, – пискнула я. – Я волнуюсь.

Демон! Безрогий! И еще рогатый в пару! Не ты же минут так 20 назад отрывал оборку одной из нижних юбок и приматывал разрядившийся пистолет к ноге (благо объемная конструкция турнюра с его кольцами и юбками позволяла и самого мертвеца спокойно вынести)! Не ты отряхивал платье от пыли потайного хода. И не ты изображал задумавшегося книгомана у стеллажей в библиотеке, когда служанка принесла чай! И не ты разговариваешь с человеком, который ...Кстати, а может мне хоть раз да повезет, и он там просто бумажки подписывает?!

– Я вас так взволновал?

Еще как! Прямо вся трепещу!

Меня аккуратно взяли за руку.

– Леди? Вы вся дрожите...

А его ладони сухие, теплые, шершавые и сильные. Привыкшие держать меч или шпагу, а не перо.

– Здесь холодно. Позвольте попросить вас проводить меня обратно в гостиную.

– С радостью, прекрасная леди, – мужчина пристально посмотрел в глаза и начал нежно поглаживать кисть.

Я нашла в себе силы подняться с проклятого и ставшего таким неудобным диванчика. Только вот Джеремайя встал вместе со мной. Руку не выпустил, к себе ближе притянул.

– Что вы себе позволяете?!

– Ох уж эти провинциальные манеры! – мое возмущение его позабавило. – Ай!

Ни вырваться, ни толковой пощёчины дать не получилось. Правда, с последней я перестаралась. Книга, которую я вначале делала вид, что читала, была отпечатана на дорогой бумаге, с картинками и твердым переплетом. И обложка у нее хорошей, и на скуле наглеца отпечаталась качественно.

– Джери! Ты... Вы что тут делаете? – раздалось со стороны двери.

А на что похоже? Стоят тут двое, обнимаются, за ручки держатся. Оба красные и злые. После такого в приличное общество не приглашают.

– Оскар! – прошипел побитый лорд, но меня не отпустил ни на йоту. – Ты не вовремя.

Блондин ни капли не смутился:

– Слушай, я, конечно, понимаю, что у тебя тут личная жизнь налаживается. Но Ларкинса убили. Не вспомнишь, кто среди нас детектив, а?

– Съездил отдохнуть называется! – Мансфилд выскочил из библиотеки. Я за ним. Мою руку освободить он не удосужился.

До кабинета, где лежал труп, надо было пройти в другую часть дома по коридору мимо холла и подняться на второй этаж. По дороге барон на бегу сухо излагал факты:

– Его нашла горничная. Подняла крик. Сбежались все: и челядь, и гости, и хозяйева. Дамы в обмороке. Я приказал дворецкому никого не пускать. За полицией послали.

Джеремайя что-то подсчитал в голове и выдал:

– Где-то минут 40-60 на убийство. Плохо. За это время из гостиной выходили как минимум по разу все. Включая нас с тобой. А леди вообще умудрилась просидеть в библиотеке в компании Байрона.

– Китса!

– Простите, леди, не разобрал, чем вы меня по щекам лупили!

Придумать что-нибудь острое в ответ не успела, мы прибежали к кабинету, где я оставила мертвого Ларкинса. Дворецкий с несчастным видом сдерживал у дверей натиск разъяренной Стеллы, растерянного Альбруса и его сына. Нас он пропустил без вопросов. Джеремайя почему-то и меня протащил внутрь.

– Я велел здесь ничего не трогать. До приезда полиции.

– Правильно. Ты молодец, Оскар.

Комната изменилась! Второй пистолет теперь лежал в руке мертвеца, бумаги были разбросаны по всей комнате, картины висели неровно, будто их кто-то двигал, кочерга для камина лежала рядом с убитым. А рана на его голове была еще больше. Кажется, я окончательно приобрела цвет цинковых белил. Никогда не думала, что так страшно смотреть на усопшего... на тобой убитого человека.

Мансфилд прошелся по вдоль стен, повел руками над креслами, принялся к бокалам. Не притрагиваясь рассмотрел голову Ларкинса. Еще раз окинул взглядом комнату. Несколько раз глубоко втянул в себя воздух, шумно выдохнул. Хищно улыбнулся сам себе. Зрачки в нереально зеленых глазах расширились.

Я считала его холеным хлыщом и образцом джентльмена? Столичным франтом? Наглцом без принципов? Язвительным типом? Теперь я видела тигра. Опасного зверя, который не успокоится, пока не словит добычу. Он будет искать. И от него не спрятаться. Охота началась.

Джеремайя еще раз оскалился и злым веселым голосом произнес:

– Занятный у вас тут покойничек! Жаль, я мало с ним был знаком! Один его отравил. Второй убил и утащил редкий пистолет. Третий съмитировал самоубийство. Четвертый ограбил. А пятый для верности раскроил черепушку кочергой.

Глава 2

– Как самоубийство? Разве не очевидно...

Но кавалера Ордена Золотой Звезды графа Мансфилд, детектива из отдела по расследованию магических преступлений города Люнденвик, столицы Империи, над которой никогда не заходит солнце, перебили:

– Совершенно очевидно, что это самоубийство!

Господин Конорс, начальник местной полиции, самодовольно откинулся в кресле и принялся рассуждать:

– Здоровье многоуважаемого господина Ларкинса давно оставляло желать лучшего. Или у вас в столице не верят докторам? Сердечко пошаливало, давление... Пистолет в руке, выстрел в висок. А что пол черепа разнесло... Дамы, простите за откровенные подробности. Так оружие древнее, не надежное, раритетное. Могло ведь и руку оторвать, вот как-то так. Уверен, посмертную записку вы найдете в его бумагах. Соболезную. Такая утрата.

Хозяйка усадьбы в очередной раз упала в обморок. Лаура, промокнула глаза платочком.

Джеремая Мансфилд усмехнулся. Доказывать элементарное он считал ниже своего достоинства. Даже если хотелось произвести благоприятное впечатление на одну слишком бледную и тихую особу.

Если самоубийство – официальная версия местной полиции, то он найдет преступников сам. Все равно ведь в отпуске. А половину воронья в имении своего друга граф уже перестрелял.

* * *

Начальника местной полиции господина Конорса пришлось ждать несколько часов. Хотя за ним и послали самоходную повозку, выписанную прямо из Люнденвика.

Бросив белый взгляд на кабинет и мертвеца, спросив у господ и слуг, не видели ли они кого-нибудь подозрительного, он пришел к выводу, что в ЛилиХолл произошло самоубийство.

Граф Мансфилд был озадачен едва ли не больше, чем я. Внешне остался холоден и безразличен. А вот в глазах разгорелось пламя азарта.

Оскар Эрттон дотронулся до рукава его сюртука:

– И не думай, Джери. Самоубийство – и так позор для семьи. Но намного более не прилично считать кого-то из семьи или друзей душегубцем.

– Бред! – дернул рукой Джеремая. – Полное отсутствие логики. Да здесь магией фонит как... не при леди будет сказано!

– Успокойся!

Я спрятала лицо за веером. Ну и пусть отсутствуют логика и здравый смысл. Зато меня искать не будут. А сплетни... При наличии такой колоритной персоны, как вы, Ваше Сиятельство, любители перемыть косточки быстро найдут новую тему.

Мы смогли отправиться домой только с наступлением утра, когда утихла буря и стало достаточно светло, чтобы ехать в колясках. Лаура немного бурчала, что ради полицейского заложили самоходную повозку, а нам довольствоваться обычной. Но очень быстро уснула, склонив головку мне на плечо.

На небе серость предрассветных сумерек сменялась чистой голубизной зарождающегося дня. Две каурые лошадки тихо пофыркивали, шуршал гравий под колесами экипажа.

– Отец! Вы ведь видели господина Ларкинса последним? Неужели ничего не было подозрительного? – глаза поднять я не осмелилась.

– Да, Изабелла, такая трагедия! Такое горе! Кто бы мог подумать... самоубийство...

– Отец! Вы ...

– Это было самоубийство, дочь! – зло бросил мужчина и вновь начал разглядывать посаженные вдоль дороги деревья. – И не лезь не в свое дело! Занимайся своим вязанием.

– Отец! Ты что-то знаешь? – я похолодела.

– Нет! Говорю же, занимайся вязанием, хозяйством. Бал скоро. Не волнуйся, Сосновая роща останется вам с сестрой.

– Ты не подписал документы? – а как еще я могу объяснить, что не смогла найти закладные в кабинете старика.

– Нет. Ларкинс предложил ... так сказать, более выгодное дельце. Дал мне документы, чтобы ознакомился в малой гостиной. А я прочитал, решил подписать потом... Я не обязан повторять это еще и тебе!

– Странно, раньше ты всегда читал бумаги у него в кабинете. Он же не любил, когда документы выносят из комнаты. Мог сам выйти, но ... Отец! Ты что-то не договариваешь?

– Замолчи! И не задавай лишних вопросов.

Джон Леонард Уильярд чего-то очень сильно испугался.

* * *

Через два дня были похороны.

Проводить господина Ларкинса в последний путь собрались соседи, родственники, из закрытой школы привезли младшую дочь Роббинсонов – Миранду, неулыбчивую малышку лет одиннадцати.

Наша семья тоже пришла на кладбище. Отец был мрачен, Лаура прятала свое хорошее настроение за плотной вуалью. Она сейчас являлась самой популярной девушкой Сент-Айвз и окрестностей. Только за вчерашний вечер мы получили более дюжины приглашений на обеды, чай и вечера! Такое чувство, большинство мероприятий было организовано, чтобы был повод пригласить свидетелей «жуткого события». Лаура тихо радовалась: траур на нас не распространился и можно с чистой совестью наслаждаться всеобщим вниманием.

Церемонию должны были провести в полдень. Под ярким солнцем людям в темных одеждах было жарко, они потели, злились, нервничали и нетерпеливо ждали, когда же священник наконец-то закончит свою речь, можно будет бросить по пригоршне земли, положить цветов и вернуться в ЛилиХолл на поминальную трапезу.

Я промокнула лоб маленьким платочком. И ведь нельзя уйти под тень деревьев, как вот тот странный джентльмен. Было слишком далеко, я не смогла разглядеть, кто он.

Священнослужитель осенил могилу крестом. Гроб с телом опустили в землю. Альбрус Роббинсон бросил первую горсть...

– Дядюшке это не понравится.

Меня словно холодным ветром обдало. Я с удивлением взглянула на болезненно худую, с огромными фиолетовыми глазищами и двумя длинными толстыми косами девчонку. Стелла говорила, что от взгляда падчерицы ее бросает в дрожь.

– Почему ты так думаешь, Миранда?

Она просто пожала плечами. И подошла к могиле, проститься с покойным.

Оплачивал ее учебу, кстати, не господин Роббинсон, а дядюшка Ларкинс. И именно с ним она проводила практически все время, когда возвращалась домой на каникулы. Письма тоже только ему писала. И почему-то никто не мог толком сказать, в какой школе учится этот странный, не по годам взрослый ребенок.

– Хризантемы? Вам есть за что просить прощения? – язвительный голос вырвал из задумчивости.

Только его мне не хватало!

– Ваше Сиятельство? Имейте уважение к усопшему!

– Уважения заслуживают живущие. И не словами, а действиями. Я вот выказываю им уважение тем, что не позволяю преступникам ходить на свободе.

Я вымучено улыбнулась:

– Вы ведь меня убийцей не считаете? Все знают, господин Ларкинс покончил жизнь самоубийством.

– Что вы! С теми, кого я подозреваю, я веду совсем иные разговоры. И все пойманные мной убийцы отправились на плаху.

Я сделала большие удивленные глаза. Бабушка называла подобный финт «моська строго по этикету».

– Я слышала, в вашей карьере нет нераскрытых дел.

Источник информации – сестренка Лаура. После той ночи, о которой мне не хочется вспоминать, она с новыми силами взялась собирать сплетни и слухи про заезжего графа. И щедро делилась ими со мной.

Ах, он из знатного рода! Его предок был в свите Вильгельма Справедливого! Ах, он богат! А еще представлен Императрице. Ты слышала про нашумевшее дело о Золотой Розе, фамильной драгоценности герцогини Валлийской? А про заговор Трех? Нет? Так вот, именно граф Мансфилд раскрыл эти тайны. И знаешь...

Еще ни об одном джентльмене сестра не говорила столько много и с таким энтузиазмом.

– Люди, как всегда преувеличивают, леди.

Повисшее молчание прервала Лаура. После положенных слов приветствия и сожалений, моя сестра спросила очередной безликий вопрос:

– Белла, ты ужасно выглядишь. Ты так переживаешь?

– Да, это ужасно.

Заметьте, сказала чистую правду. Только не спалось мне по другой причине: я пыталась закопать пистолет.

Ночь. Луна. Запущенный сад. Старые деревья едва-едва шевелят ветвями. Поют сверчки. И в самый дальний уголок со свечой в руке и с лопатой наперевес крадется девушка.

Между прочим, все платье вымочила! Чуть не заблудилась. Яму пришлось рыть долго. Сказывался недостаток опыта. Не входит такая наука в обязательную программу образования юной леди. А зря...

Закопала. Потом еще ногами утрамбовала, ветками забросала. Вернулась домой. Уставшая, грязная, продрогшая... А на моей подушке лежит издевательски чистенький, словно вот-вот от оружейника, свежезакопанный пистолет.

Уж его-то я и через сто лет узнаю!

Первым делом я вернулась к тому дереву, нашла свою яму, снова ее раскопала. Даже углубила и расширила. Ничего там не было. Одна тряпка, в которую я заворачивала свидетельство своего преступления.

Мог ли меня кто-то увидеть? Сомневаюсь. Если и заметил, то все равно не успел бы откопать, очистить и подложить его в комнатку. Каким-то странным образом оружие переместилось ко мне в спальню...

Но я девушка упрямая. Я его опять зарыла. На этот раз в огороде.

Яма получилась всем ямам на зависть. Опыт сказывался. Вернулась к себе, а там... на подушечке...

И так раз пять за ночь.

Настойчивые девушки просто так не отступают от задуманного! Сегодня я попытаюсь его утопить в речке. Благо парк ЛилиХолла примыкает к крутому берегу Сильвер-ривер. А

заодно воспользуюсь случаем и поищу в библиотеке что-нибудь интересное про эти пистолеты. Говорила же мне бабушка, не стоит связываться с раритетными вещами.

На могилу господина Ларкинса я положила белую хризантему.

Глава 3

Чтобы попасть на берег Сильвер-ривер нужно пройти через великолепный садовый лабиринт, настоящий шедевр ландшафтного дизайна. Однако сложное переплетение ходов, закручивающихся в диковинную лилию, можно было полностью рассмотреть только с самого верхнего этажа ЛилиХолл.

Высокие, в два человеческих роста, изгороди из самшита и лавра создавали бесконечные запутанные коридорчики и аллеи. В полумраке зеленых ниш созерцали мир мраморные статуи ангелов и античных богинь. Часто дорожки, посыпанные белым песком, заводили в тупики к изящным фонтанчикам, уютным скамеечками или беседкам.

Я любила это место. В тишине хорошо думалось, душа обретала гармонию и спокойствие. И, казалось, мне были известны все ходы и тайники лабиринта. Но то ли я сегодня была в слишком расстроенных чувствах, то ли давно не гуляла среди прохлады изумрудных аллеек. Я заблудилась.

Я точно помнила, что здесь должен был быть поворот, потом нужно чуть-чуть пройти прямо до альпинария, а через несколько ответвлений дорожка упрется в маленькую аккуратную набережную. Но темно-зелёная аллея вывела меня к очередной белоснежной беседке. И оттуда слышались голоса.

Чистое сопрано Стеллы и ... тенор Марка Аврелия.

Сестра плакала, жаловалась на жизнь, на мужа... А юноша нежно ее утешал, неразборчиво воркуя ласковые слова. Я поочередно то краснела, то бледнела... Не предполагалось в их беседе появление третьего лица.

Стелла в конце концов начала успокаиваться и говорить более внятно:

– А еще это убийство... Зачем? Нет, я понимаю, противный старикашка мешал многим, но зачем было убивать его в моем доме? Кто теперь пойдет к нам с визитом?! Ведь это кто-то из нас? Скажи мне, Марк, утешь мою душу, скажи, что не ты его ... что не ты убийца!

– Милая моя! Нежная! Да за тебя я ... я на дуэль вызову кого угодно! Хоть графа Мансфилд! Как он посмел тебя оскорбить!

– Да, как он посмел?! Как ему вообще в голову могло прийти... – и она опять зарыдала.

– Как он посмел опорочить наше светлое чувство?! Я вызову его на дуэль Сегодня же!

Тут Стелла поняла, что переигрывает.

– Он застрелит тебя! – а в голосе появилась знакомая мне легкая нотка задумчивости. Так бывало, когда она о чем-то размышляла.

– Я выберу шпаги!

– Или проткнет ...как поросенка! – взвизгнула молодая женщина. – Как же я буду жить без тебя?! Нет, не надо. Но ты не ответил на мой вопрос. Ты ведь ходил в кабинет к дядюшке?

Я окаменела и старалась не дышать.

– Ходил, – согласился Марк. – Я хотел попросить денег в долг. Мои дела не так хороши, чтобы я смог забрать тебя в столицу, душа моя. Я тихо постучал, почти сразу же открыл дверь. Я заметил дядюшку. Стелла, милая, он словно ... и кровь. И этот человек... он что-то искал в сейфе. Поэтому меня не заметил...

– Ты видел его? Ты видел, кто убил Ларкинса?

– Да, солнце мое, я его хорошо рассмотрел.

– Кто он?

– Я не скажу тебе. Для твоего же блага. Ты ведь его совсем не знаешь...

– Ты заявишь о нем полиции?

– Нет, милая, но скоро, очень скоро мы отсюда уедем...

Через минуту тягостного молчания юноша спросил:

– Милая... ты ведь тоже выходила из гостиной...

– Ах, – быстро и беззаботно откликнулась Стелла. – Я же хозяйка ЛилиХолл. Мне пришлось сходить на кухню, распорядиться на счет чая для Изабеллы. Она так подозрительно не вовремя заперлась в библиотеке. Если бы не была уверена в абсолютной правильности и скучности моей сестры, я бы ее заподозрила. Но она способна только считать деньги и плакать. Кухарка и несколько горничных могут подтвердить мои слова, – весомый аргумент, если учесть, что красавица считала слуг за людей второго сорта. – Тем более, представь себе наглость, они не те конфеты принесли нам к кофе!

Послышался страстный вздох, звук поцелуя, шуршание шелковой ткани.

Так, быстро-быстро ухажу отсюда. Компрометирующая молодую мачеху и пасынка ситуация и так была мне неприятна. Не признавала я адюльтер и не могла сочувствовать влюбленной паре.

Их связь не первый день продолжается. Вдруг их еще кто-нибудь увидит или догадается? Как же можно быть такими неосмотрительными! И как я не поняла природы их отношений раньше... Чего же Стелле не хватало? У нее же все есть. Достаток, приличный муж, дом. Зачем рисковать положением, репутацией, мнением общества? Да и нужен ли ей влюбленный мальчишка, способный ради дамы сердца пойти на безумства?!

А еще внутри меня зрел страх: вдруг Марк Аврелий видел меня... Глупости, он ясно дал понять, что собирается шантажировать того человека. Во-первых, с меня и взять-то нечего. И во-вторых, не открывала я сейф, не открывала! Только бумаги на столе просмотрела. Ларкинс всегда держал под рукой те документы, с которыми работал. Ну а если... Что мне тогда делать?

Я тихо отступила вглубь аллеи и побежала прочь от места разврата. Но сегодня опять был не мой день. Я не узнавала лабиринт. Не помнила этих переходов, пергол и статуй...

За поворотом раздались шаги и спокойные голоса. Принесла же кого-то нечистая сила! И куда податься расстроенной мне? Встречаться со своим зятем-рогоносцем и начальником полиции мне не с руки. Возвращаться обратно в беседку тоже... Попытаться скрыться в переулках лабиринта? Но куда они приведут?

В растерянности я заозиралась вокруг, пытаюсь сориентироваться, понять, куда лучше убежать или спрятаться.

Тут из стены вечнозеленого кустарника проявилась мужская рука, схватила меня за плечо и бесцеремонно затащила ... в небольшой грот? Как я могла не заметить такое укрытие?

– Тише, тише, леди. Всего лишь заклинание отвода глаз. Они нас не услышат и не увидят. Просто держитесь за мою руку, – зашептал мне в ухо граф Мансфилд.

– Спасибо, сударь. А можно упомянутую конечность убрать с моей талии?

– Сожалею, но это не очень хорошая идея, – и крепче прижал меня к себе. – Чтобы на вас действовала моя волшебба, вам надо быть, как можно ближе ко мне.

– Что вы вообще здесь делаете, граф? – я попыталась подальше отодвинуться от мужчины. Привлекательного, кстати, джентльмена. И запах приятный.

– То же, что и вы, леди.

Неужели тоже пистолет топить собрались? Или подсматриваете за влюбленными парочками? На всякий случай решила возмутиться.

– Да что вы себе позволяете?!

– Леди, прекратите вырываться и шуметь. И дайте послушать!

– Это неприлично!

– Обнимать красивую девушку или подслушивать разговор?

– Все!

Роббинсон и господин Конорс подошли вплотную к нам и устроились на ближайшей скамеечке. И кажется мне, не случайно они выбрали именно сие место для отдыха.

– Да помолчите вы! – И нахал закрыл мне рот. Ладонью.

А я ее укусила.

Русоволосый тип выдержал, ругаться при леди не стал. Только зашипел, затряс рукой и злобно зыркнул глазищами:

– Неужели вам не интересно?

Пришлось сознаться:

– Интересно! Но страшно! И неприлично!

– Тсс!

Конорс, крепкий мужчина средних лет, уселся поудобнее и продолжил:

– А после сорока дней даже самый лучший некромансер не докажет, что было на самом деле. Более я сделать для вас ничего не могу.

Альбрус почмокал губами.

– Хорошо. Надеюсь, большего не потребуется. Никто и никогда не должен догадаться, что моему дядюшке помогли отправиться в мир иной.

– По прошествии сорока дней, разумеется. Во всех отчетах, документах и результатах экспертиз одно единственное заключение – самоубийство. Как вы и просили. Эээ, – начальник полиции суетливо потер ручки. – Надеюсь, не вы ему помогли... эээ...

– Нет, конечно! – возмутился толстяк. – Я разве похож на идиота? Тогда я бы вам платил, а не вы мне!

– И еще... – замялся собеседник и спрятал взгляд.

– Ах, как я мог запомнить! Конечно же... – Альбрус достал из-за пазухи стопку фотокарточек и протянул Конорсу. Тот жадно их схватил, начал бегло просматривать.

Джеремайя, со мной в обнимку, проскользнул поближе к мужчинам и заглянул за плечо начальника полиции. Изображение на прямоугольных кусочках картона заставило меня покраснеть от смущения. Невинным девушкам на такое смотреть не пристало! И вообще, как они умудрились завернуться таким узлом? Это вообще возможно? А плеточка им зачем?

– Вы же понимаете, господин мэр, при желании я легко добуду новые, – почти нежно проворковал Роббинсон. Видимо, склонность к шантажу – семейная черта.

– Вы мне льстите, выборы в конце осени. И я буду очень осторожным, – Конорс спрятал фотокарточки за пазуху.

– Не будете. Люди не меняются, – Роббинсов опять стал похож на маленькую толстую собачку. Со злыми глазами. – И передавайте пожелания доброго здоровья госпоже Конорс. Мы с женой соскучились по ее обществу.

Джентльмены раскланялись и разошлись.

Граф со вздохом облегчения отпустил меня. От русоволосого мужчины я чуть ли не отпрыгнула.

– Ну вот! Мы пропустили почти все важное! – укорил меня Джеремайя Мансфилд.

– Мы слышали достаточно!

– Чтобы молчать? Делать вид, что ничего не происходит? Ах, наш будущий мэр любит извращенные игры в «Розовом Коттедже», а Глава Городского Совета занимается вымогательством.

– А что вы предлагаете? Раструбить об этом всему свету?

Его Сиятельство улыбнулся и надел маску благородного дворянина:

– Не волнуйтесь, леди, я не разрушу ваш фарфоровый мирок. Позвольте вывести вас из лабиринта. Мне кажется, вы заблудились.

Пришлось принять предложенный локоть, и мы пошли по зеленым коридорам, в которых гость ориентировался намного лучше меня. Через пару минут молчания, мужчина спросил:

– Что вы думаете о смерти господина Ларкинса?

Я едва наметила усмешку в уголках губ:

– Ваше Сиятельство! Вы совершенно не выносимы! Кто же задает такие вопросы девушкам?

– Леди, я могу быть таким, каким захочу. Особенно с девушкой, которую собираюсь скомпрометировать.

А выглядит наша прогулка с точки зрения морали и правил, принятых в обществе, в самом деле ... многозначительной. Юная леди и джентльмен прогуливаются в парке. Одни, без сопровождения. Хороший повод для сплетен. Но репутация девушки в руках самой девушки.

– Ваше Сиятельство, я не позволю вам сделать ничего, бросающее тень на мою репутацию. А по поводу господина Ларкинса... ужасная трагедия.

– Соболезную семье, – фальшиво вставил он. – А что он за человек был? Каково ваше мнение о нем?

И как бы помягче сказать, что он слыл мерзким язвительным старикашкой, не гнушающимся заниматься ростовщичеством.

– Он был сложным человеком...

Джеремая засмеялся:

– Леди Изабелла, вы считали его отталкивающей личностью, с которой и общаться только правила хорошего тона и обязывают. Кстати, не вы одни. Но почему все так решили?

В самом деле почему?

– Он всегда говорил неприятные вещи.

– Которые были неправдой?

Я задумалась:

– Не сказала бы... Просто противно было от его слов. А еще он ссужал деньги в долг. И брал проценты! Многие семьи остались должны ему большие суммы.

– Ваша семья тоже?

– Да! – и тут же опомнилась. – Вы же не думаете, что мой отец, я или моя сестра могли...

– Леди, – мужчина остановился и поцеловал мне руку. – Мне не столь интересен вопрос «Кто?». Слишком он простой. Всегда более занятным является вопрос «Почему?». В данной ситуации я боюсь одного: убийство Ларкинса может повлечь за собой следующие. Как в горах снежная лавина начинается с маленького камешка. Ваш милый городок похож и не похож на тысячи других. Здесь так много внимания уделяют благопристойному поведению и репутации, что становится важнее выглядеть, чем быть. У вас все не так, как кажется на первый взгляд.

– Будто бы в столице не так... – обиделась я за свою маленькую родину.

– Люнденвик большой. И там царит не только лицемерие. Вы можете позволить себе роскошь жить так, как вам хочется. Что же касается вопросов. Я не при исполнении. Не могу вот так просто подойти к вашему отцу или кому-нибудь иному и осведомиться, где и как он провел время в тот злополучный вечер. Как бы не очерняла наше ведомство журналистская братия, заклинание истины применяется на тех допросах, когда дело касается безопасности Империи.

Вдруг он замер, прислушиваясь. Резко притянул меня к себе, прошептал несколько слов. Глаза знакомо полыхнули колдовской зеленью.

– Опять отвод глаз? И зачем? – простонала я в голос.

Через минуту на дорожке появилась Лаура с непривычным для нее хищным выражением лица. Девушка чуть ли не пробежала мимо нас, она явно кого-то искала. Я догадываюсь кого!

– Кстати, а вы знали, что наш знакомый господин Ларкинсон был основным меценатом сиротского дома и богадельни при монастыре святой Елены? – маг отцепился от меня и развеял чары. – Если по завещанию приюту не будет отписана круглая сумма, то сестрам придется закрыть курсы портних для девочек.

– Заниматься благотворительностью считается хорошим тоном.

– Не раз в год на Великие Праздники, а регулярно, каждый месяц. С отчетами, с анализом эффективности, в плотном сотрудничестве с руководством. Таких единицы.

Мы вышли на небольшую площадку над берегом Сильвер-ривер. Кованые перила ограждения охраняли от падения в быстрые воды реки. Поговаривали, в ее омутах в древние времена водились русалки.

Граф Мансфилд решил продолжить играть в джентльмена:

– Леди, позвольте я поднесу вашу сумочку?

И взялся за шелковый шнурок ридикюля.

Ага! А там пистолет, из которого недавно в человека стреляли! Еле его туда упаковала. 35 сантиметров револьвера никак не хотелось помещаться в маленький вышитый бисером мешочек. Что поделать: освоила, как его разобрать на три части. Ценой простреленной подушки и испачканных простыней.

– Не позволю, – совсем не по этикету заупрямилась я и вцепилась в сумочку обеими руками.

– Я настаиваю! – стоял на своем Его наглое Сиятельство.

Интересно, если я ее сейчас в речку брошу, он нырнет за ней или нет?

– Придется нырять. Чего не сделаешь ради хорошего впечатления?

О Небо, я теперь еще и вслух размышляю!

– Джери! Ты вообще соображаешь, что творишь? – у выхода на набережную стоял барон Оскар Эрттон и во все глаза на нас таращился. – А от вас, леди Изабелла, я такого поведения ожидал меньше всего!

Вот ведь... Не мог оставить отвод глаз! Полезное какое заклинание оказывается!

– Оскар, – Джеремайя еще раз потянул ридикюль к себе. – С каких пор ты стал таким ханжой?

– С тем самых, как сюда приехал. Пусты девушку.

– Сумочку! – поправила я, не выпуская ридикюльчик из рук.

– Дай за дамой поухаживать! – одновременно возмутился граф. Вроде взрослый мужчина, а ведет себя как мальчишка!

– ... и сделайте вид увлеченных наблюдателей за камышами и утками. Сюда идет Лаура и как там ее... Агнес! И так и быть, я рядом с вами был все время! Леди Изабелла, – резко изменившимся тоном спросил барон. – Что вы думаете о результатах последней встречи Епископа и Императрицы? Не слишком ли жесткими вам кажутся ...

Джеремайю Мансфилд словно подменили. Из непозволительно искреннего мужчины он преобразился в холодного и чопорного джентльмена. И сумочку отпустил.

– Ваша Милость, мне кажется, леди не интересны ваши рассуждения о религиозной политике.

– Ваше Сиятельство, своих убеждений я не стыжусь и не скрываю. Я считаю....

На набережную вышли запыхавшаяся Агнес и красная недовольная Лаура. Мужчины поприветствовали их легким полупоклоном, дамы присели в положенном реверансе. От предложения присоединиться к беседе отказались. Тема была довольно щекотливой.

Обсуждать темы религии считалось моветоном, но, как объяснил Оскар, в последнее время в столичных салонах часто заводились беседы о вероисповеданиях – близилась вторая религиозная перепись населения Империи.

Агнес подхватила графа под левый локоть, Лаура – под правый и вот так, зажав в клещи, повели опешившего Джеремайю к выходу из лабиринта. По пути совершенно невинно интересуясь, а какие еще изменения происходят в высшем свете. Ну и пытались узнать у него последние сплетни. Нашли у кого!

– Наслаждается представлением? – мы с бароном Эрттоном шли на несколько шагов поодаль. – Может, спасете невинного человека из лап жестоких хищниц?

– Это моя маленькая месть, – чуть улыбнулась я.

Тем временем леди Куинси вдохновенно делилась своими мыслями о публикации некоторых записей из дневников Ее Высочества об отношениях с наследником Восточного Ханства Искандером. История произошла несколько лет назад. Все понимали, что Виктория не сможет оставить Империю, а юный хан отречься от своего государства ради роли принца-консорта. Наследник уехал один, вскоре занял законный трон. Трое его официальных жен родили уже несколько сыновей. Ханство процветает и становится серьезным игроком на политической арене.

Я знала, что ради интересных фактов журналисты способны пойти на все, однако печатать откровения влюбленной, тогда еще совсем юной девушки, считала слишком низким и подлым поступком. Но шуму в обществе было много. Особенно в свете предстоящей помолвки нашей любимой Императрицы.

Агнес щебетала, Лаура вздыхала, Джеремайя источал ледяную вежливость.

– Я ничего не знаю, милые леди. Газетные статьи вы явно читаете чаще меня, – сквозь стиснутые зубы цедил он.

– Скромничает, – тихо прокомментировал реплику друга Оскар Эрттон. – Все-таки одно из его любимых дел. Джеремайе поручили найти предателя в окружении Императрицы и ликвидировать новые утечки информации. Но ранее украденное все равно было обнародовано. Пусть и спустя несколько лет.

– Интересно, что он думает о самоубийстве Ларкинса, – вежливо поинтересовалась я.

– О, Джери очарован! Какая дерзость! Четкий расчет и невероятная хладнокровность! Запутанность мотивов и многоходовая комбинация исполнения! Он буквально потерял сон и аппетит. Если бы мог, влюбился б в убийцу!

– Если бы мог?

– А вы не знаете? Магам такого уровня силы в детстве купируют возможность испытывать сильные эмоции. Считается, это мешает контролировать дар. Наш милый граф не способен влюбиться, возненавидеть, приревновать...

– Мне кажется, Его Сиятельство граф Мансфилд привык решать сложные задачи. Вот ему и мерещится то, чего на самом деле нет.

* * *

Чуть позже, ближе к вечеру, я все-таки прогулялась к берегу реки и утопила пистолет! На следующее утро он как ни в чем не бывало обнаружился на столике в моей спальне. А еще мне стали сниться кошмары.

Глава 4

На следующий день, сонная, бледная и злая, я сидела в гостиной и пыталась сосредоточиться на вязании очередного пледа. Или все-таки заняться вышивкой и доделать того нелепого пуделя на сумочке?

Кого я обманываю? Пудель? Плед? Ссора с кухаркой? Необходимость сделать ремонт и поменять обои в гостиной или столовой? О чем еще подумать, чтобы выветрить из головы ночной кошмар?

Я не могла вспомнить ничего из своего сна. А утром осталось только чувство безысходности, неотвратимости расплаты.

Очень хотелось сходить в церковь. Покаяться, помолиться, поставить свечку. За свою душу. И за Ларкинса, где бы он ни оказался. Может тогда ужас содеянного померкнет? Меня медленно убивала необходимость делать вид, будто ничего не произошло.

Я угрюмо посмотрела на то, что натворили с пряжей мои руки. И спешно начала распускать уродливую вязку.

Из открытого окна донесся чистый искренний смех.

Теплая солнечная погода располагала к прогулкам на свежем воздухе, вот и Лаура с самого утра гуляла по саду, обещав принести цветы к ланчу. Именно ее голос я услышала. И она была не одна.

Сестра в светлом небесно-голубом платье шла по дорожке к дому в компании двух мужчин, ведущих под уздцы лошадей. Барон Оскар Эрттон улыбался в ответ и, кажется, рассыпался в комплиментах. Граф Мансфилд был как всегда безупречен и холоден.

– Отец! У нас гости! – закричала я в надежде дозваться. Он с утра закрылся в кабинете и не спустился к завтраку. – Бетти! Приготовь чай! – на ходу бросила я нашей единственной горничной. Обязанности хозяйки дома на миг вытеснили из головы все переживания. Кроме одного.

Красиво ли я выгляжу?

В маленьком холле я взглянула на себя в огромное напольное зеркало. В старинной раме отразилась высокая девушка в простом ситцевом платьишке в мелкий цветочек. Темные волосы были собраны в гладкую прическу. На невероятно бледном лице лихорадочно блестели серые глаза. Запуганная тень. А ведь могла быть похожа на бутон розы...

За моей спиной отобразилась лестница на второй этаж, двери в гостиную и столовую, часть стены с акварелями, нарисованными еще в юности.

Вдруг в той, зеркальной, столовой промелькнула густая серая тень. Через удар сердца она появилась в отражении двери в гостиную. Повернула ко мне голову. И с душераздирающим визгом хлынула ко мне.

Как потом оказалось, кричала я. Перед тем как упасть в обморок.

* * *

Джеремайя Мансфилд сорвался на бег за миг до того, как в домике закричала девушка. На крыльцо он взлетел, перепрыгнув через несколько ступенек, рывком распахнул дверь, создавая в левой ладони огненный шар.

И сразу же развеивая боевое заклинание. К счастью или нет – не понадобилось.

В полутемном холле перед зеркалом в человеческий рост лежала в обмороке юная леди.

Маг присел рядом на узорчатый паркет, нащупал биение пульса и перешел на второе зрение, просматривая ауру несчастной.

Изабелла в незамысловатом домашнем платье в трогательный цветочек, бледная, с прохладной кожей вызывала нерациональное желание защищать и оберегать. Ее стойкость, гордость и рассудительность восхищали. А трезвость ума прятала ранимость и эмоциональность.

Сейчас ее биополе было похоже на рваный саван. Спутанные нити ауры, кое-где оборванные, с узелками, пятнами... Даже без полного сканирования становилось ясно: за последние несколько дней или недель на девушку было оказано как минимум три сильных магических воздействия. Их характер и окраска указывали на незаконную природу вмешательства. Лечение зубов или отвод глаз подобных следов не оставляют.

– Белла! Что с тобой? – в дом влетело голубоглазое недоразумение по имени Лаура.

* * *

Я пришла в себя на низеньком диванчике в гостиной. Окна были распахнуты, портьеры раздвинуты, пропуская в комнату свежий воздух и солнечный свет. С тихим стоном приоткрыла глаза и попыталась дотронуться до висков. Как ни странно, но голова совсем не болела. Я казалась себе такой легкой, почти невесомой.

– Белла! Как ты? Разве можно так нас пугать?!

В креслице сидела взволнованная Лаура со стаканом воды. Рядом стоял барон Эрттон. Слышалось шуршание юбок горничной.

– Как вы себя чувствуете, леди Изабелла? – участливо спросил барон. – Джеремайе пришлось немного подправить вашу ауру. Вы были очень слабы.

Слегка повернул голову я заметила графа. Он стоял около окна, массировал кисти рук и хмуро смотрел в сад:

– Простите, леди, я не целитель. Вы, наверное, сейчас ничего плохого не ощущаете, но я бы рекомендовал не затягивать с визитом к доктору.

– Благодарю, сударь, не стоило беспокоиться.

Мансфилд странно взглянул на мою скромную персону, но обмен любезностями прервал вошедший в комнату отец.

Он рассеянно справился о моем самочувствии, пожурил: мол, не берегу я себя совсем, поздоровался с гостями. Потом джентльмены удалились под предлогом обсуждения каких-то соседских дел.

– Что со мной? – спросила я, когда мы остались с сестрой одни.

– Не знаю, – пожал плечиками Лаура. – Его Милость только сказал, что у тебя аура в плохом состоянии. Ты слишком перенервничала. Я заварю тебе успокоительный чай вечером.

Говорит и задумчиво так на дверь смотрит.

– Белла, а тебе не интересно, о чем они будут разговаривать...

– Лаура! Даже не думай!

– Я не думаю, я предлагаю! – парировала авантюристка. – Они ведь в отцовский кабинет пошли. А из музыкальной комнаты можно подслушать и, если повезет, то и подсмотреть. Ты ведь знаешь, как.

Она помогла мне встать, поправила платье. Медленно и осторожно поднялись на второй этаж, вошли в небольшую комнатку с обоями персикового цвета. В центре стоял клавесин на трех гнутых ножках. Были еще кресла с гобеленовой обивкой, низенький столик, а общую с кабинетом отца стену занимал камин, с потемневшей от времени мозаикой на дымоходе: конный рыцарь в когда-то белых доспехах пронзал копьем грязно-алого дракона. На морде чудовища был написан полный и настоящий буддийский дзен. Что бы это ни значило.

Да, мне тоже было любопытно. Я нажала на неприметную загогулилку на декоре камина. Часть стены послушно отъехала в сторону, открывая каморку, в которую две дамы в пышных юбках поместились благодаря честному слову и гибким кольцам турнюров.

Теперь можно было услышать все происходящее в кабинете отца. А если скрючится и припасть к двум щелочкам, то даже что-то и увидеть.

Кто и когда сделал здесь потайную комнатку, оставалась для меня загадкой. Открыть скрытую дверь могла только я. Лаура много раз пыталась. И со мной и без меня, но результат был одинаков: дракон нагло шурился, а стена оставалась недвижимой.

В кабинете отца тихо мужчины уже расселись по креслам, откупорили вино и уже выпили по бокалу. Ого! Гостиными была принесена бутылка Muscats de Mireval, целебного нектара королей. Да от такого подарка и трезвенник не откажется! Щедрость объяснялась просто: барон пил мало, граф едва пригубил дорожее вино, а вот отцу подливали часто и не жалея.

– ...Уильярд... вы, значит, ведете свой род от того самого Феликса Мерлина Уильярда?

Да, знаменитый великий маг древности был нашим предком. Настолько далеким, что от его силы в нашей крови ничего не осталось. Ни от силы, ни от величия, ни от могущества. По законам, все потомки магов должны по достижении пяти и пятнадцати лет проверяться на наличие магических способностей. Но ни у меня, ни у моих сестер магии не было ни капли.

– Магия давно оставила наш род, милорд.

– Джон, – укоризненно проговорил Мансфилд, вновь наполняя бокал. – Мы же договорились. Для вас я Джери.

Вот ведь! Змей-искуситель! Как прийти и задать вопросы напрямую, так он не при исполнении. А как напоить человека до невменяемости и все выведать, так всегда пожалуйста!

– Хорошо, Ваша.. хм... ну Джери.

– Еще выпьем? За знакомство? Пусть и при трагических обстоятельствах.

Звякнули хрустальным звоном бокалы.

– Да. Смерть его была ужасной, – пробурчал отец, глядя в наполненный бокал. Как можно наклюкаться элитным вином до состояния зеленых демонов? Или опять Мансфилд подколдовывает? А говорят, что маги дают клятву не использовать силу без причины. Или как в поговорке нашей бабушки: если есть закон, то найдется и способ его не исполнять?

– А для вас, наверное, шок. Вы ведь видели его последним, – голос графа, был скучающим, будто его совсем не интересовала провинциальная трагедия, но чего не сделаешь, чтобы поддержать приятную беседу за бутылочкой хорошего вина.

Рядом в нетерпении завозилась Лаура. Пришлось шикнуть, из-за ее сопения плохо слышно.

Отец тяжело вздохнул, залпом выпил вино и приступил к рассказу...

* * *

Джон Леонард Уильярд терпеть не мог привычку старика Ларкинса начинать разговор за три шага от двери. Но приходилось улыбаться и отвечать. А еще раздражала до зубовного скрежета его манера договариваться быстро, по существу и без всяких поблажек. Наверняка, своим монашкам он и улыбается, и входит в положение, и не жалеет лишней монеты.

Вот и тогда Ларкинс не стал тянуть.

– Я более не заинтересован в предоставлении залога, – старик открыл большим ключом дверь в кабинет.

– Как? Мы же договаривались! Мне нужны деньги!

– Тише! Я сказал, что не буду брать в залог Сосновую рощу. Но у меня есть более выгодное предложения. Отдай за меня Изабеллу. Без приданного. Наоборот, я сам тебе денег за нее дам. В восточных странах есть такой обычай: за невесту платить калым. Очень удобная традиция для разорившихся отцов, – Ларкинс засмеялся скрипучим смехом, и они вошли внутрь. – Долговые расписки тоже верну. Будет тебе свадебный подарок.

Уильярд задумался. Вариант для средней дочери вырисовывался вполне удачный.

В кабинете ярко горел камин. Трещали дрова. Пламя остервенело грызло дерево, разбрасывая искры. Причудливые тени плясали по стенам. В углах притаилась тьма. Джон Леонард поежился. Было холодно, как зимней ночью в поле. Казалось еще чуть-чуть и на обоях появится иней.

В кресле их ждал посетитель. Ларкинс подавился своим хихиканьем. Любопытный Уильярд как ни напрягал зрение, не мог разглядеть таинственного визитера. Его фигуру скрывало покрывало тумана. Густая пелена и неясные отсветы огня искажали черты, размывали линии. Мужчина ли? Женщина? Фигура могла принадлежать даже ребенку!

В звенящей тишине незнакомец поманил Ларкинса туманной рукой, указал на столик с пыльной бутылкой на нем.

– Значит так. Ты пока документики прочитай, ознакомься, подпиши, если что. А потом мы все обсудим, – засуетился хозяин кабинета. Грубо сунул в руки стопку бумаг и вытолкал Уильярда за порог. Чуть нос не прищемил.

Нет, мужчина так просто уходить не захотел. Честно попытался подслушать. Но чуть ухо не обжег – дверь была холодной, как глыба льда, и не пропускающей ни звука.

* * *

– Ларкинс подготовил хороший брачный договор. Сами посудите. – Отец тяжело встал с кресла, достал из письменного стола стопку документов, перевязанных ленточкой, и протянул Джеремайе. – Кому я ее еще так удачно сплавлю?

Лаура недовольно сопела. А у мое сердце удары пропускало. Теперь у меня хоть мотив появился!

Лицо графа я видела отчетливо. Без очередной маски, искаженное бушевавшими эмоциями. Мансфилд быстро просмотрел документ. Глаза полыхнули зеленью. Он подошел к пьяному джентльмену, провел рукой над лысеющей головой, прошептал несколько слов.

– Вы возвращались в кабинет? – На такой вопрос невозможно было не ответить.

– Да.

– Вы видели кого-нибудь по пути?

– Да, – послушно отвечал отец. – В картинной галерее кто-то был.

– Кто?

– Я не рассмотрел.

– Что вы увидели в кабинете?

– Ларкинс сидел в кресле. Страшного человека к комнате не было.

– Где был пистолет?

– Лежал рядом.

– Что вы сделали?

– Забрал свои долговые расписки.

– Что-нибудь еще взяли?

– Больше ничего не было.

– Что вы потом сделали?

– Вернулся в гостиную. Выпил.

– Почему не сказали?

– Боялся.

– Джеремайя, прекрати! – не выдержал Оскар.

Граф еще раз провел рукой над макушкой. Отец уронил голову на грудь и захрапел.

– Что? – возмутился Мансфилд.

– Ничего! Кроме нарушения еще парочки законов!

– Переживу! – бросил Его дерзкое Сиятельство и выплеснул остатки вина из своего бокала в камин.

– И не жалко было такую редкость портить? – содержимое бутылки также вылило.

– Не-а.

– Если маги не пьянеют, то все равно не стоит поганить уникальный напиток... И что же это тебе дало?

– Ну, один подозреваемый точно не виновен.

– Только обокрал мертвого.

– И чуть не выдал дочь замуж против ее воли.

– Что не является преступлением. Или тебя волнует...

– Кстати, вернемся к юным леди, – перебил друга маг, – а то они уже устали подслушивать.

И Джеремайя взглянул прямо мне в глаза.

Мы с сестрой синхронно ахнули. Турнирами вперед, толкаясь локтями, поспешно выползли из каморки. Я нажала нужный рычаг, закрывая потайную дверь, затем с размаху плюхнулась в кресло, схватив какой-то романчик из числа любимых сестренкой розовых повестей. Лаура вихрем пронеслась через всю комнату, приземлилась на стульчик у клавесина и начала вдохновенно лупить по клавишам сразу с середины модной пьески.

Но дыхание все равно перехватило, когда в нашу маленькую музыкальную гостиную вошли двое джентльменов.

Лаура прекратила истязать музыкальный инструмент и лучезарно улыбнулась:

– Господа? Вы так скоро?

И ресничками затрепетала. Словно голубоглазый ангел.

– Леди, вы обворожительны, – дежурно отозвался блондин. – Ваш отец утомился, и мы вынуждены оставить ваше общество.

– Ах, даже не останетесь на чай? Мы настаиваем!

Оскар Эрттон строго по этикету поцеловал пальчики девушки.

Граф любезностей не расточал, раз-другой прошелся по комнате, остановился у моего кресла, заинтересовался моим чтивом. А я пожалела, что нет с собой веера, за которым так удобно прятать пылающее от смущения лицо.

– Интересная книга? Мне казалось, вы не любительница такого рода произведений, – и, взяв томик из моих рук, перевернул его, чтобы можно было читать, а не просто создавать образ образованной барышни.

– Вкусы меняются, – пробормотала я.

Джеремайя выгнул бровь дугой. Ту самую, над которой маленький шрам.

Я же взглянула на то, что держала в руках. Ой. Книга оказалась не Лауры, а отца. Из тех, которые дочерям принято не показывать!

Книжечку с писком отбросила в сторону. Попала прямо в Оскара. Теперь настала очередь не пылать, а трястись от ужаса ситуации.

– Леди, вас никто не учил, что подслушивать нехорошо? – барон невозмутимо отложил летающую литературу на подоконник.

– Да как вы могли подумать о нас такое? – Лаура картинно сложила ручки на груди.

– Леди никто не учил подслушивать правильно, – заметил Джеремайя.

– Ваше Сиятельство! Что вы себе позволяете?

Я же взяла себя в руки, прекратила дрожать и, взглянув прямо в зеленые глаза, укорила:

– Граф Мансфилд, вы же заверяли, что заклинание истины используются только на допросах. И то, если дело касается безопасности Империи.

– Белла! – возмутилась Лаура. Сестра была намерена отстаивать свою невиновность вплоть до страшного суда.

Маг учтиво поклонился:

– Леди Изабелла, вы видели действие не заклинания истины. Поверьте, если бы я его использовал, то сейчас не мог бы вести в вами беседу. Всего лишь одна из новейших маго-химических разработок. Добавляется несколько капель в еду или питье, активизируется магической силой. И некоторое время человек отвечает одну правду и исключительно на простые вопросы касательно недавно прошедших событий. Один из побочных эффектов сонливость, усталость. Боюсь, что ваш отец проснется только к завтрашнему утру.

Делаю себе заметку – рядом с ним ничего не пить и не есть.

– Ваше Сиятельство, ваш поступок не законен!

– Леди, я же обещал, что найду убийцу. А ваш отец был главным подозреваемым. Кстати, леди Лаура, вы ведь тоже выходили. Не соизволите сказать, куда и зачем?

Сестра от удивления некрасиво открыла рот:

– Вы... вы смеете подозревать меня?!

– Лаура, прекрати паясничать и ответь джентльмену!

Ведь не отстанет же!

– Белла... говорить про это ... в обществе... – и девушку покрылась милым розовым румянцем.

– Ты ходила в дамскую комнату?

– Да! – с облегчением выдохнула сестра. – Носик припудрить, платье поправить...

– Вас видел кто-нибудь?

Лаура пожала плечиками.

– А вы, леди Изабелла, полвечера просидели в библиотеке. И частично ваши слова может подтвердить служанка, принеся чай. Но она вас не сразу дозвалась.

– В ЛилиХолл большое собрание сочинений. В его книгохранилище можно заблудиться. При okazji следующего убийства, я возьму вас как свидетеля моего алиби!

Несносный граф с издевкой поклонился.

– А Стелла? Наша сестра? Вы ведь и у нее спросили, что она делала? – голубоглазая девушка теребила оборку платья.

– Спросил. Ее слова подтверждают и горничные, и кухарка. Кстати, об этом. Не желаете нанести визит убитой горем родственнице? Завтра, например?

Барон Эрттон с тихим стоном отчаяния прикрыл глаза рукой. Если у него еще и оставались надежды, что его друг будет спокойно наслаждаться отдыхом в провинциальном городке, то они развеялись, как дым.

Глава 5

ЛилиХолл был не просто большой усадьбой. А огромной!

В великолепном парке расположился в форме буквы «П» четырехэтажный дом (вдобавок чердак, где жила прислуга) из темного местного камня с высокими окнами. Ассиметричная архитектура придавала зданию немного торжественный вид: кокетливые башенки, затейливая резьба по камню, строгие колонны и вызывающе светлые на фоне почти черных стен статуи. Даже горгульи, сторожившие водостоки, неизвестным мне чудом оставались белыми.

Внутри были бесконечные анфилады, изысканная мебель прошлых веков, старинные полотна, гобелены, северский фарфор. Стены украшены деревянными панелями, резьбой и шелком с изображениями лилий, потолки декорированы изящной лепниной, полы устланы роскошными коврами, в подвалах хранилась уникальная коллекция вин. Правда, несколько залов и переходов который год оставались закрытыми на ремонт, но это не мешало поражаться величию и помпезности.

А еще поместье располагалось на месте старого замка и неоднократно перестраивалось. Дом был напичкан потайными коридорами, секретными комнатками и прочими сюрпризами. Винный погреб занимал хорошо если одну десятую от всего подземелья. Лет так триста назад, когда ЛилиХолл владел знатный герцогский род, там одно время тюрьма была. В бумагах, датированных прошлым столетием, я обнаружила ход в древнюю усыпальницу с пометкой «замурован». Известно ли о сих милых особенностях семейству Роббинсонов? Кому-то известно. Я нашла несколько проходов совершенно случайно: наткнулась на старый план дома, решила проверить... Но даже «моими» коридорами время от времени пользовались. Я предпочитала не знать кто. И сама на глаза не попадаться.

А библиотека! При монастыре не было такого собрания редких книг! Местный священник, известный книголюб, даже пошел на дружбу с Альбусом, лишь бы хоть раз в месяц быть допущенным в святая святых к древним рукописям. Мое пребывание там объяснялось просто: кроме фолиантов по магии, богословию, генеалогии, истории и поэзии, Роббинсоны владели хорошей подборкой дамских романов рыцарских времен.

Коляска, запряженная гнедой лошадкой, тихо катилась по дорожке. Кучер посапывал на козлах. Рядом трусил привязанный конь барона Эрттона.

Лаура расстроилась, что граф Мансфилд не смог поехать. Оскар объяснил его отсутствие так: Джеремайя является сильным боевым магом, но целительство – не его профиль. Даже простые манипуляции с нитями ауры отнимают много сил. Его Сиятельство очень сожалеет, но просит выведать у Стеллы Сюзанны ответы на несколько щекотливых вопросов. Список прилагается.

На послание от графа мне не дали взглянуть, сестра сразу же спрятала его в лиф платья. «Тебе же нельзя волноваться, Белла!»

Госпожа Роббинсон встретила нас радушно, пригласила выпить чаю. Говорила положенные банальности, вытирала фальшивые слезы. А потом предложила нам с Лаурой остаться на ночь в ЛилиХолл. Завтра с утра будут зачитывать завещание старика Ларкинса, и будет намного проще, если с ней будут родные люди. За вещами пошлют, отца предупредят, комнаты подготовят и прочее, прочее.

Оскар Эртонн раскланялся и удалился. А мою ладонь жег небольшой сложенный в четыре раза листок бумаги. Как только получилось остаться одной, я развернула послание и прочитала строчку, написанную твердым мужским подчерком:

«Леди! Сегодня в полночь откройте окно в сиреневой гостиной. Ваш Дж.»

Вот теперь можно начинать волноваться.

* * *

Естественно, никому никаких окон открывать я не собиралась. Я планировала сама обыскать апартаменты Ларкинса в надежде найти объяснение поведению «своего» пистолета, а также забрать все бумаги касательно нашей фамилии, если такие найдутся.

Все нервничали. Атмосфера в доме была тяжелой, мрачной. Дышать стало тяжело. Слуги ходили, похожие на бледные тени. Горничные стали слишком рассеянными. Когда Стелла за молчаливым ужином неожиданно попросила успокаивающей настойки, служанка вздрогнула и чуть не уронила чашку. Мелочь, да только в ЛилиХолл всегда работала высококлассная обслуга.

Часы едва пробили одиннадцать, как я покинула выделенную мне опочивальню на третьем этаже. Чтобы было удобнее искать, взяла маленький прикроватный светильник: он неяркий, легкий, полностью заряженный. Но зажечь его нужно было уже на месте – в каждом коридоре горело в треть силы несколько ламп на элементарных кристаллах. В потайные ходы решила не заходить. Я не знала, какие из них напрямую ведут в покои Ларкинса в другом крыле. А заблудиться или выйти в других комнатах мне не хотелось.

На втором этаже в стороне от лестницы из-под приоткрытой двери слышались приглушенный голоса. Мне бы вернуться к себе, чтобы чуть позже повторить попытку, или мимо пройти. Но видно общение с графом оказало на меня дурное влияние. Как тут не подслушать?

Увы, но это была обычная беседа отца с сыном. Марк Аврелий просил денег. Альбрус, хоть и был зол, однако обещал выделить средства студенту. Да сетовал на жадность нынешней молодежи.

Я незаметно проскользнула дальше. Первый этаж, переход в соседнее крыло, лестница, ведущая вверх. Теперь направо мимо картинной галереи.

Жутковатое место, в котором никогда не оставляли зажженных светильников. Лампы с завидной периодичностью ломались. Стелла говорила, что кристаллы обогрева тоже постоянно выходили из строя. Даже простые модели музыкальных шкатулок барахлили, выли и скрипели. Сейчас же через высокие окна на паркет лился лунный свет. Со стен в золоченых рамах смотрели люди в придворных нарядах и золотых цепях. Никогда не любила здесь находиться. Всегда старалась быстро пробежать мимо.

Вдруг кто-то опалил шею дыханием, схватил за плечо, развернул, закрывая рот рукой. Я чуть не вскрикнула от неожиданности.

– Тише, леди, это всего лишь я.

Где-то я подобное уже слышала... Сейчас я смогла тихо угукнуть. Потому что слов нет. Есть испуг в сердце и дрожь в коленках.

– Вы, вижу, счастливы меня видеть.

Опять выдавила очень информативное «угу». Ног под собой не чую от положительных эмоций!

– Но Сиреневая гостиная на первом этаже. Вы не заблудились?

Помотала головой. Заодно освобождаясь от ладони на лице.

– Но я рад, что вы уже здесь. Пройдемте.

И потащил меня к кабинету Ларкинса. Дверь была заперта магическими печатями, которые не стоило срывать до оглашения завещания. Но граф следовал законам только если ему это было выгодно. Он присел на корточки перед замочной скважиной и замер. Если бы я обладала капелькой волшебной силы, могла бы увидеть и узоры заклинания, и то, как меняется плетение под руками мага. Но я бездарна. Поэтому только наблюдала легкое мерцание глаз, цветные вислоухи под пальцами мага да краем уха ловила тихое бормотание.

А потом я опомнилась и начала задавать вопросы. Самые актуальные, конечно же!

– Вы как сюда попали?

– Как мы и договаривались: через окно.

А кто мог его впустить внутрь?

– Вы впутали в это Лауру?!

Джеремая поморщился:

– Леди, ваша сестра давно выросла. И при всех несомненных достоинствах, ей будет неинтересно копаться в вещах покойника.

Маг толкнул дверь и сделал приглашающий жест:

– Прошу!

Когда мы вошли и задернули плотно шторы, я включила свою лампу и смогла как следует рассмотреть наглого мужчину и его наряд. Любитель идеально пошитых сюртуков, безупречных жилетов и шелковых шейных платков ныне щеголял в поношенной куртке, брюках неясного цвета и в каком-то лихом берете. Дело не в том, что он плохо выглядел – хорошо тренированное тело не спрятать, но вид он имел как ... какой-нибудь разнорабочий!

Джеремая словил мой взгляд и пояснил.

– Пришлось прикинуться посыльным из бакалейной лавки, чтобы поговорить со слугами.

– И как?

– Познательно. Вы ведь знали, что в ЛилиХолл есть свое привидение?

По законам жанра в окно стукнула ветка.

Я сглотнула и еще раз посмотрела кабинет: кресла, столик, шкафы, картины... Здесь я убила человека. Ларкинс сидел вот за этим столом, писал письмо... А сейчас рядом тот, кто меня отправит на смертную казнь, если хоть что-то заподозрит.

– Может и есть. Однако мы его не трогаем, оно нас тоже.

Вдалеке завывла собака.

Надеюсь, милому фамильному привидению старого поместья действительно нет до нас никакого дела.

– Тем более оно никогда не появлялось ранее полуночи. Особенно, если хозяева еще не спят.

– А кто-то еще не спит? – Граф подошел к книжным шкафам и начал методично просматривать древние томики. Бухгалтерские книги? Особо редкие фолианты? Мне же тоже любопытно!

– Альбус Роббинсон с сыном в бильярдной разговаривают, – я подошла и заглянула через плечо.

– Леди, вам цены не будет, если вы расскажете, о чем они беседовали. Ну и если начнете просматривать соседний шкаф. Этот, простите, мой.

– Ничего полезного я не услышала. Марк Аврелий скоро уезжает обратно в столицу. Просил выделить деньги на учебу.

– Просил? Или требовал?

Вот тут и я задумалась. А на учебу ли?

– Его обучение проплачено до последнего семестра. Аренда жилья тоже. На карманные расходы регулярно выделяется круглая сумма. Да у него отдельный счет в банке на приличную сумму! – книга была пролистана и возвращена на свое законное место. Точь в точь как стояла раньше. – Леди, вы уверены?

Пришлось краснеть и бледнеть, но не раскрывая имени дамы, рассказать о подслушанном в лабиринте. Граф взялся за новый талмуд:

– То, что Марк Аврелий спит со... – довольно грубо начал маг, но услышав мое гневное сопение, исправился. – В очень близких отношениях с мачехой, только слепому не ясно. Я вам даже более скажу, ваш зять ему еще за это платит. Видно молодому человеку стало мало, вот он решился взяться за шантаж.

Мне стало дурно:

– Быть такого не может!

– Слуги, леди, знают намного больше своих господ. А вот хозяева часто очень мало интересуются жизнью своих слуг. Просто не замечают их. Меня сегодня дважды видела госпожа Стелла и один раз ваша невинная Лаура. И не узнали!

Скромностью сей джентльмен не отличался. Я не стала спорить. Мы продолжили поиски ... чего-то непонятного.

– Ищите все, что покажется вам странным и нелогичным. Потом разберемся, – посоветовал мужчина, просматривая очередную книгу.

Я помолчала. Затем спросила:

– Скажите честно, Ваше Сиятельство. Вы ведь меня подозреваете?

Зеленоглазый маг отложил очередной том:

– Отвечу честно, леди. Вас очень сложно не подозревать. Ваше алиби шито белыми нитками. Возможность у вас была. Зуб даю (здоровый, заметьте!), в поместье не один и не два потайных хода имеется. И вы в том числе можете о них знать. Конечно, стукнуть старика кочергой да так, чтобы он Небу душу отдал, у вас бы не вышло. А вот выстрелить – тут много сил не надо. Вы даже смогли бы вынести пистолет и спокойно выбросить его в туже Сильвер-ривер. К тому же вы в комнате стараетесь держаться так, чтобы видеть стол и кресло, где сидел покойный. При этом сами белее снега с тех пор, как мы вошли. Но это конечно может быть, – граф презрительно ухмыльнулся, – ваша тонкая душевная организация. Вы еще в обморок упадите!

А поможет?

– Вот только у вас мотива нет. Или есть? Вы знали о его матримониальных намерениях и решили избавиться от жениха?

И в упор уставился на меня.

Я холодно улыбнулась.

– Не говорите глупостей, милорд. О брачном договоре я позавчера утром узнала.

И опять взялась просматривать содержимое своего шкафа.

Итогом трех часов обыска стала стопочка долговых расписок, копии чертежей замка и планов парка (я взглянула мельком: слава небесам, «моего» тайного хода из библиотеки в этот кабинет там отмечено не было), незаконченные черновики писем, пустые футляры от драгоценностей.

Особенного внимания со стороны графа удостоился пистолет-близнец орудия убийства. Его рассмотрели со всех сторон, убедились, что он тоже заряжен. А еще одну пулю переложили в карман.

Уставшие и пыльные мы сидели на полу и разбирали свои трофеи. Мансфилд повертел обрывок обгорелой бумаги, в свете лампы прочитал:

– « ... государь! Или ваша тайна станет известна... кровь предков и ...» Ну и почерк! Неужели вымогатели не могут писать разборчиво?

– Думаете, Ларкинс кого-то шантажировал? – Я взяла из его рук кусочек письма, найденного под креслом у камина. Вот и выдрессированные слуги! Убрать, как следует, на наше счастье не удосужились!

– Все возможно. Хотя, с таким же успехом, могли и старика шантажировать. Если было чем. А что у вас?

– А что интересного в пулях из дуэльного пистолета?

– Они серебряные.

– Разве такие делают?

– Только если он опасался нежити.

– Но это же бабушкины сказки!

– Сказки, – согласилась со мной. – Бабушкины. Так что у вас интересного?

Я показала долговые расписки.

– Я не знаю никого из этих людей. Вудворд, Свиншисон, О’Конор... Суммы указаны внушительные, то есть люди богатые. А, значит, известные. Но эти имена мне ничего не говорят. Ни в Сент-Айвз, ни в ближайших нет людей с такими фамилиями!

Джеремая прикрыл глаза:

– Хорошо. Разберемся. Сделаю запрос по своим каналам, – он немного помолчал. – Я бы на его месте сделал еще один кабинет. Или отдельное хранилище. А еще, леди, припомните: не занимался ли наш покойник чернокнижием?

– Что?! – воскликнула я. Вот уж большей глупости он сказать не мог! – Да вы же сами знаете про его богоугодные дела! Он же славился своей набожностью! Святое писание наизусть читать мог! Местный священник считал его образцовым верующим! Да он только со святым отцом и был в нормальных отношениях!

– Тише, тише, леди, – поморщился граф. – Я уже понял, что Ларкинс был идеальным прихожанином.

Я вздохнула, успокаиваясь. Рано.

– А зачем примерному и безукоризненному последователю официальной и единой Церкви реликвии по Черной магии?

– Где?

Он просто махнул рукой в сторону книжных шкафов.

– Там. Я не дурак, чтобы в руках такие вещи держать. Долше необходимого. Поверьте на слово.

Не поверила. Пока мне не показали толстенькую книжечку с заклепками по бокам. Держал ее маг аккуратно, с едва заметной брезгливостью на лице. И перчатки надел.

– Одна из частей триптиха по совершенствованию знаний Черного искусства. Пишется кровью по коже. Кровь предпочтительно брать детскую. Кожу – сдирать с девственниц. Заклинания в основном авторские, преимущественно класса «А» – особо разрушительные для физического, душевного или психического плана. Практически все экземпляры были уничтожены еще в прошлом столетии. Естественно, запрещена Церковью. Владеющий сей рукописью нуждается в покаянии с отчуждением всего имущества. А где вторая часть, там и первая с третьей.

Сказал и сразу же поставил на место.

– И стоит она как половина этого поместья.

Мне начал мерещиться запах гнили, привиделось, как с корешка книги сочится кровь. Тени в углах стали мрачнее, угрожающе сгустились, свет лампы уже не казался уютным и безопасным. Если тут такие фолианты находятся, то что может оказаться не так с пистолетом?

Джеремая потряс у меня перед носом кипу черновиков и чертежей:

– Не возражаете, если я их потом сам изучу? А то время уже позднее...

Я не возражала. Я от ужасной книги взгляд оторвать не могла!

Граф вздохнул и потащил меня прочь из кабинета, уговаривая отправиться спать и не думать о...

О большом зеленом баране! А как о нем не думать? Если он такой большой! И такой зеленый!

Маг повернулся ко мне, посмотрел внимательно, возвел очи к небу, обреченно выдал:

– Надеюсь, вы меня не возненавидите...

И поцеловал!

Глава 6

Как всякая девушка я мечтала о большой и чистой любви. Когда-то. Как всякая здравомыслящая леди своего века и положения я понимала, что в лучшем случае мне светит брак по расчету. Повезет, если муж будет уважать и не сильно требовать исполнения супружеского долга. Вот тут сказалось влияние моей бабушки.

Был однажды случай, когда я вслух зачитывала кусочки из розовых дамских романов, а пожилая леди комментировала. С каменным выражением лица советовала авторшам обратиться к модным ныне врачам. Которые девиации постельные исправляют. Или с мужем заняться в опочивальне чем полезным, а не фантазировать. Они сами-то пробовали на песочке? Пять раз за час? Леди, да вы хоть сами в это верите? А джентльмена без одежды хоть раз видели? Или о его физиологии знаете что-то кроме местоимения «о-го-го»?

О различиях мужчин и женщин я знала. В теории. Практика переносилась на первую брачную ночь.

Про поцелуи я читала. Даже наблюдала со стороны. Лаура как-то делилась своим первым опытом. Она не пребывала в особом восторге.

Многого ли я ожидала от своего первого поцелуя? Скорее всего он был бы похож на состыковку двух селедок – жениха и невесты перед алтарем. А может подарила бы его обаятельному и приличному джентльмену. И тогда он оказался бы нежным, милым и трогательным.

Но не таким! Когда тебя сжимают в объятьях, словно ты – желанная драгоценность, которую могут вырвать из рук в любой момент. Когда кусают губы, жадно пьют дыхание. Не могут насытиться тобой. Когда у тебя подкашиваются ноги, в теле появляется легкость, а ситуация утрачивает контроль. Я хотела сделать свой первый поцелуй идеальным. А сейчас... было не до того, насколько совершенна у меня прическа или изящно поднята ножка. И стало до слез обидно! Я мало чего хочу в жизни. А какой-то наглый столичный фронт забрал одно из немногих желаний...

И не важно, что мне понравилось!

Пощечина вышла звонкой, оставив красный след на лице нахала.

Джеремайя смотрел на меня потемневшими глазами с расширившимися зрачками. Мы тяжело дышали в унисон. Мужчина со стоном потянулся ко мне. Опять!

Я залепила еще одну, для симметрии.

– Хам! – выкрикнула я и выбежала из кабинета.

Да, о жуткой книге я больше не думала. Но Лаура не права, первый поцелуй невозможно забыть.

* * *

Я быстрым шагом двигалась к своей комнате. Злая, обиженная, в расстроенных чувствах. И в практически полной темноте – после полуночи светильники в коридорах гасли сами собой. ЛилиХолл я знала прекрасно, заблудиться не боялась. Но надо было захватить лампу! Не хватало только еще свалиться с лестницы! Или ушибиться о мебель!

Почему гад, хам и сволочь – граф, а страдаю в темноте я?

Леди таких слов знать не должны? Тогда вы их не слышали!

Вдруг меня из темноты схватили за руку. Пальцы горячие, дыхание прерывистое. Мансфилд. Собственной персоной. Надо будет не пощечинами, а ударами меж ног платить за поцелуи! И разбитые грезы!

– Леди, – хрипло начал этот невозможный мужчина. Но с небольшими магическими светляками, вьющимися у плеча. – Я вот подумал... Мы не очень хорошо начали... а тут дело такое... Может сходите со мной на кладбище завтра ночью? Есть одна идея. Надо уточнить.

– А днем нельзя? – после многозначительного молчания выдавила из себя.

– Значит, на свидание вы согласны! А днем эффект не тот.

И исчез. Хоть бы одного светлячка оставил! Жалко ему что ли? У него их штук пять! А у меня ни одного!

И топай до комнаты одна! Здесь темно как у демона за пазухой! Поцеловал, испортил всю девичью мечту и слинял!

Я дотронулась до припухших губ, пальцами почувствовала свою улыбку. Вспомнила тепло объятий...

И разозлилась еще сильнее!

Тут холодно! Одиноко! Мрачно! Проходишь мимо окон, а оттуда дует. Сквозняки треплют подол платья. Луна спряталась за тучи и за стеклами сплошная темно-серая муть. Тикали часы в одной из гостиных. Кристалл одной из ламп не полностью отключился и периодически с едва уловимым треском неярко вспыхивал, озаряя кусок стены. Никогда еще ЛилиХолл не был так похож на склеп.

Над ухом раздалось сопение. И кто-то опять хватил за руку. У меня скоро синяки останутся! Граф! Все своей сиятельной особой. Неужели ему показалось, что он был недостаточно убедительным в приглашении на randevu?

– Леди, – отчего-то жутко смущаясь, начал он. – Я вот тут подумал... Приличных девушек... к некрополям вроде как не приглашают. Давайте завтра-послезавтра прогуляемся по бульвару, а? Мороженое купим или сладкую вату... Что там обычно нужно покупать-то, вы знаете?

Цапнул мою ладошку, поцеловал ледяные пальчики и исчез.

А я опять в темноте! Опять одна! Шляюсь по чужому дому... Злиться уже не могу. Крадусь тихо вдоль стенок, а улыбка от уха до уха.

И не так уж и страшно идти темными коридорчиками, и лестницы не такие уж и крутые. А в окошко заглянул серебристый диск ночного светила.

– Леди, – раздалось за спиной. Я подпрыгнула, подавившись визгом. – Может вас проводить?

За мной со смущенной улыбкой стоял зеленоглазый маг. Даже его светлячки сияли как-то растерянно.

Я уняла бьющееся сердце, постаралась сделать голос максимально вежливым и ровным:

– Спасибо, это лишнее. Я уже почти добралась.

Сказать «дошла» язык не повернулся. Тем более, что мы и в самом деле были почти рядом с дверью в мою спальню. Всего-то подняться по лестнице, завернуть пару раз за угол и все.

Мне еще раз улыгнулись и растворились в воздухе. Наверное, именно так выглядит применение классического отвода глаз. Или невидимости. Я не владею магией. И мои сестры, мать и бабушка... Как же так произошло, что волшебная сила покинула наш род?

Я на ощупь сняла со стены лампу, зажгла ее. Почему я до этого не додумалась раньше?

Вдруг меня из темноты схватили за руку холодными пальцами и обдали жарким дыханием. Граф, да вы издеваетесь? Я скоро разрыв сердца получу, а ему все шуточки!

Желание заехать чем-нибудь по физиономии, дабы не было повадно подкрадываться к леди со спины и пугать (в который раз за вечер) перевесило слабые доводы рассудка.

С разворота я слишком сильной размахнулась лампой и... светильник застрял в плече у... сие создание явно не было живым, а намерения у него были зверскими.

Как полагается поступать в подобных ситуациях благовоспитанной девушке? Наука этикета оставляет сие в тайне. Как показала жизнь, в «Советах для юной леди» ничего не сказано ни как избавляться от орудия убийства, ни как вести себя при встрече с зомби. Ну не знакомиться же с ним!

– Уэ-э-эр, – заявило медленно соображающее умертвие.

– И вам не хворать! – сочтя на этом обмен вежливостями завершённым, и ударила лампой еще раз.

Ой, видно не зря меня приглашали на кладбище гулять. Порядочным дамам надо в обморок падать. А не с воем бежать сломя голову в неизвестном направлении.

* * *

У Джеремайи Мансфилда была тайна. Впрочем, их у него было много.

Например, Его Сиятельство не умел ухаживать за девушками. От слова совсем.

Как-то надобности не было учиться. Он образован, воспитан, знает, как себя вести в обществе, но в отношении прекрасного пола до последних дней всегда предпочитал держаться отстранённо и холодно. Те, кто интересовался его состоянием и положением, вполне успешно вешались на шею самостоятельно, и их мало что могло остановить. А близкие отношения, как и для любого мага, подразумевали только брак и только абсолютную верность. Один муж, одна жена. Ибо Сила не терпит пренебрежения.

Магия – это не всемогущество. Магия – это дисциплина. Самоконтроль. И чем ты сильнее, тем лучше должен владеть своим телом, разумом и духом. А отношения между мужчиной и женщиной всегда являются мощным взрывом энергии. Уникальным способом восстановления и раскрытия своих сил. Особенно сильна и перспективна первая любовь.

Поэтому нравы в среде магов строгие. Делить постель возможно, если двое уже объявили о своей помолвке. Когда маги образуют союз, то доверяя и уважая они усиливают друг друга. Если же в паре кто-то изменяет, то... в лучшем случае оба супруга теряют возможность развивать свои способности.

Естественно, никто этого не афиширует. Завлекать свободой и могуществом проще, чем ежедневной титанической работой над собой. Когда любая ошибка может привести к выгоранию. Вот и хранят девушки-маги целомудрие, а парни учатся контролировать свои желания. И к созданию семьи подходят уже в зрелом возрасте, и партнёров выбирают придирчиво, тщательно, на всю жизнь. Тут уже не важно, обладает ли второй человек хоть толикой дара. К Силе быстро привыкаешь. А отвыкнуть удаётся не всем.

Джеремайя понимал, что ему придётся найти себе жену. Рано или поздно. Единственный наследник, предки не простят, если угаснет род. Но не предполагал, что придётся с будущей невестой хотя бы разговаривать! Обычно ему скармливали столько лапши, только успевай улыбаться и вставлять подходящие фразы.

Да он даже не сообразил, как себя вести, когда получил заслуженную пощёчину. Поцелуй опьянил, заставил задуматься: может и не сказки это – легенды о предначертанных парах. Если такие люди становятся супругами, то их потенциал увеличивается не в два и не в пять раз. Но жаждущих найти половинку много, а результат... выгоревших намного больше. Нравы при дворе царят вольные, как их ни маскируй.

Миловидную брюнетку граф всё-таки проводил. Увидел, что девушка сняла со стены лампу, развернулся и ушёл. Он её знает хорошо если пару дней, а возможность повелевать стихиями слишком ценна. Ей не разбрасываются.

Аж целых пять шагов сделать успел, как на него налетела вопящая дама. Еле удержал. И сам на ногах устоять смог.

Белла рвалась, металась и, как ни странно, ругалась! Джеремайя с тихим проклятием снял свой любимый отвод глаз. Зря он так сделал. Леди опять вскрикнула. На этот раз от радости. И попыталась залезть спасителю на шею. В прямом смысле слова. Голосить она не перестала.

Его Сиятельству предстояла непростая задача: удержать добычу (в идеале – спустить на землю, уши же не казенные!), выяснить, кто же так ее напугал, ну и меры принять.

Одной рукой он все-таки сотворил огненный шар, запустил его куда-то в сторону. Попал. По старинным часам, которые починить слишком дорого, а выбросить жалко. Внутри механизма что-то щелкнуло, и они выдали полный набор звуков отсчета времени. Громко и на весь дом.

Второй пульсар оставил проплешины на обоях. Вот вы сами попробуйте создать и прицельно бросить боевое заклинание, когда на вас девица карабкается! Третий наконец попал в улепетывающее по коридору маленькое умертвие. В противоположную от них сторону. Ну как попал, зацепил бок, что не сильно на скорость передвижения зомбика повлияло.

В глубине дома раздался суровый бас господина Роббинсона:

– Что здесь происходит?

Топот ног, выкрики любопытных женщин.

Граф, забыв про наличие на себе леди, еще раз выругался, кое-как отцепил от себя Изабеллу и скрылся под отводом глаз. Видно сегодня из дома ему не выбраться.

* * *

Меня приводили в чувство настойкой валерьяны и мяты, теплым чаем и участливыми заверениями, что все будет хорошо. В доме зажгли все светильники, обшарили все закуточки. Зомбика не нашли. Но одна служанка в коридоре на третьем этаже встретилась с полтергейстом: двигалась мебель, летали мелкие предметы, рвались обои, трескались и гасли кристаллы освещения. Стелла пришла в ужас. Непонятна только причина ее расстройства: предстоящий визит штатного городского мага для нейтрализации злостных сил или необходимость делать ремонт. И то, и другое обойдется недешево.

В свою комнату я смогла уйти под утро. Лаура порывалась составить мне компанию. Пришлось вежливо, но твердо убедить сестру, что со мной все в порядке и в поддержке я более не нуждаюсь.

Ложь, конечно. Просто не знала, как ей объяснить появление пистолета. А то, что он не будет спокойно меня ждать дома в комод с нижним бельем, я была уверена.

Да, потом я все-таки нашла его. Под подушкой, как и предполагала. Но вначале...

Первым, кого я увидела в своей спальне, был маг. Откинувшись в кресле и устроив длинные ноги на столике, он самым бессовестным образом дрых. На лице наливался фиолетовым цветом свежий синяк. Жаль, не я его так припечатала!

Без зазрения совести взяла полный графин и вылила холодную воду прямо на макушку опешившего графа.

– Что вы делаете? – отплевавшись спросил сонный и мокрый мужчина.

– Это МОЯ комната! И я должна спрашивать, что ВЫ тут делаете?

– Прячусь, – виновато улыбнулся Джеремайя. – Вы ведь не выдадите приبلудного мага?

И как на него сердиться?

Глава 7

Моя бабушка любила приговаривать: если в будуаре приличной леди обнаружится незнакомый мужчина, то первым делом стоит познакомиться. В кои-то веки она не права: если вы обнаружили у себя постороннего, то его нужно сразу же гнать в зашей! Учту сию мудрость на будущее.

Он расселся на моем кресле, он съел все мои фрукты, а если он еще и храпит... Пока все активно ищут умертвие и, как оказалось, особо наглого вора, незаметно исчезнуть из ЛилиХолл не представлялось возможным. В доме рыскали слуги, в парке спустили собак.

Кстати, о воре. Граф поклялся честью рода, что сегодня ночью ничего не крал. И сам пострадал от рук злоумышленника.

Мансфилд решил скрыться, спустившись с третьего этажа по плющу. Но в коридоре налетел на еще одного человека. То ли мага, то ли прост увешенного амулетами, как новогоднее дерево.

А теперь представьте, встречаются в узком проходе две невидимки... Обменялись любезностями, итогом которых стали разгромленные помещения, сломанная мебель, сожжённые обои, синяк на графском челе и икающая служанка. Джеремайя был уверен: «общался» он именно с тем, кто тайно проник в дом и что-то искал.

– Вам знакома эта вещь? – он протянул мне небольшую брошку в виде листа с узором из алмазной росы.

– Да... – я задумчиво взяла украшение в руки. – Я думала, что больше ее не увижу... Мамина брошь. Семейная реликвия. Отец ее несколько лет назад Ларкинсу заложил. Откуда она у вас?

Надо было ее из кабинета выносить, а не непотопляемый и незарываемый пистолет!

– Нашел после... – маг осторожно дотронулся до синяка и зашипел.

Я достала платок, смочила его остатками холодной воды и протянула импровизированный компресс пострадавшему.

– Как вы думаете, вор мог побывать в тот день в кабинете Ларкинса?

– Если так, то он не нашел того, что искал. Иначе бы не вернулся сегодня. Я же вам говорил, покойника грабили как минимум пару раз. Исчезло орудие убийства. Ваш отец забрал свои долговые расписки. Любимый племянничек, господин Роббинсон, сымитировал самоубийство и что-то прихватил. Подозреваю, драгоценности и векселя. Его заметил Марк Аврелий и решил шантажировать. И Небо им судья! А вот сегодня кто-то решил забрать камешки Ларкинса себе.

– Вы догадываетесь, кто это?

– Не имею представления, леди. Надо лучше узнать про жизнь господина Ларкинса за стенами ЛилиХолл.

– Вы не против, если я составлю вам компанию?

Как говорила моя бабушка, держи друзей близко, а врагов еще ближе!

* * *

Когда я проснулась утром, Джеремайя уже исчез. На кушетке остался смятый плед с едва уловимым приятным запахом. В окна светило яркое солнце.

За завтраком Альбрус Роббинсон торжественно заявил, что грабителя вспугнули, и ничего не пропало. Я и не сомневалась, что он скроет факт исчезновения драгоценностей, которые стащил из кабинета своего убитого дяди.

Завещание должно было быть оглашено в полдень в Овальном зале. В центре длинной комнаты в бежево-коричневых тонах стоял дубовый стол в форме эллипса. Вокруг него в креслах расположились нотариус, семейство Роббинсонов, мы с Лаурой, зачем-то приглашенные лорд Мансфилд и барон Эрттон, мать-настоятельница из монастыря святой Елены, пожилой камердинер Ларкинса и незнакомый джентльмен в темном сюртуке.

Душеприказчик, господин Соммерсонши, поправил небольшие очки на толстой переносице и еще раз оглядел собравшихся.

Альбус был серьезен и мрачен. Прекрасная Стелла в лиловом платье через равные промежутки времени прикладывала к глазам белоснежный кружевной платочек. И цепким взглядом держалась за фигурку матери Агаты и нахохлившегося незнакомца. Марк Аврелий скучал, ничего хорошего не ожидая. Миранда была словно замороженная, сидела с прямой спиной, сложив руки на коленях и безучастно смотрела в одну точку. Его Сиятельство и Его Милость делали вид вежливого интереса и участия. Ни полшага от предписанного этикетом поведения. Лаура участливо похлопывала сестру по руке, что-то утешающее шептала. А я... мне оставалось занять свое кресло, держать в руках флакончик с валерьянкой и соображать, зачем весь этот фарс.

Ясно же, что все состояние покойного отойдет семье. Вероятно, будут оглашены небольшие суммы на благотворительность, но ничего неординарного не предвидится. Почему же за угрюмостью господина Роббинсона чувствовалась неуверенность и злость. А Стелла слишком качественно играла убитую горем родственницу. Для кого? Никто не заблуждался насчет ее отношения к старику. Зачем такая напускная скука у Марка?

Может, граф Мансфилд прав: все, кто побывал в комнате тем вечером, были приглашены в дом на ужин. Кроме отравителя. Как оказалось, ЛилиХолл – не неприступная крепость и тайно пробраться внутрь довольно просто. Человека, добавившего яд, нужно было искать среди тех, с кем общался убитый.

И я постараюсь, чтобы искали мы его упорно и безрезультатно! Аж до самого отъезда зеленоглазого проныры из нашей глуши обратно в столицу.

Нотариус прочистил горло и начал:

– Дамы и господа! Мы собрались, чтобы узнать последнюю волю покойного господина Самюэля Авраама Ларкинса, записанную в моем присутствии 31 октября 1863 года и подтвержденную господином Лаурненсом, землевладельцем, и господином Вудвордом, землевладельцем. Заверено магической печатью и обжалованию не подлежит.

– Но это было почти десять лет назад! – хозяин дома даже с места своего привскочил.

Господин Соммерсонши был невозмутим:

– Я прошу Его Сиятельство графа Мансфилд, как присутствующего здесь практикующего мага, засвидетельствовать целостность печати и законности изложенного в документе.

Джеремая подошел к нотариусу, взял пергамент с завещанием, долго разглядывал и кивнул:

– Подтверждаю. Все законно. Печать наложена без нарушений.

– Тогда, если господа и дамы не против, я продолжу, – еще раз поправил очки Соммерсонши. – Только я должен вас предупредить, что последняя воля покойного записана несколько своеобразным языком.

– Да зачитывайте вы уже! – начал злиться Роббинсон.

Нотариус еще раз прокашлялся:

– *Дорогие мои родственнички! Наконец-то вы дождались сего светлого момента, когда я покинул сей бранный мир. Понимаю, вы не сильно опечалены моим преждевременным уходом. Надеюсь, небольшое наследство сможет умерить вашу скорбь и останется в семье на добрую память.*

В комнате словно раздавался ехидный старческий голос.

– *Итак, оставляю уверения, что я вас всех люблю и прочее. Начну то, ради чего вы все собрались. Верному камердинеру Джеффри завещаю 500 фунтов и мой греческий медальон. Его и рекомендательное письмо к Генри Шлиману ты получишь у моего поверенного. Рекомендую не затягивать с отъездом, старина, если не хочешь ловить авантюриста по всему земному шару.*

У меня перехватило дыхание. Откуда? Этот камердинер служил у Ларкинса всего лет семь или восемь! А десять лет назад он уже завещал ему сумму, на которую вполне можно жить представителю среднего класса.

– *Мать-настоятельница, старая ты перещница, а помнишь... Ой, миль пардон, сейчас, наверное, мы с матерью Триной будем пить небесный эль, а на посту ее сменила благочестивая сестра Агата. Хороший выбор, сия дама всегда меня поражала неженской практичностью. На нужды приюта для девочек завещаю 1000 фунтов. На содержание библиотеки и прихрамовой богадельни – по 500 фунтов соответственно. Уверен, вы сможете мудро распорядиться этим пожертвованием.*

Альбрус и Стелла злобно зыркнули на опешившую то ли от фамильярности, то ли от щедрости монахиню.

– *Миранда, милая моя девочка. Все еще не привыкла быть изгоем? Твое обучение будет оплачено полностью. Включая аспирантуру, о которой ты еще не думаешь. Тебе также отныне принадлежит и моя личная библиотека. Ты стала мудрее и не будешь слишком увлекаться. По завершении образования на твой личный счет в Имперском банке будет зачислено сто тысяч фунтов золотом. Это твое приданное, малышка. Советую обратить внимание на того нескладного мальчишку, что учится на курс старше. Пусть тебя не пугает его одержимость дирижаблями. Человеку суждено покорить и небесный океан.*

Тихо охнула Лаура. Сто тысяч фунтов золотом! Да это же целое состояние! У дочери мэра приданное было в два раза меньше! Нам такое и не снилось... Стелла сразу же закатила истерику. Вот и понадобилась моя валерьянка. Сама Миранда осталась невозмутимой и спокойной.

Мне тоже стало нехорошо. На ум пришла та страшная книга из кабинета. Редкая, дорогая, красивая, опасная. И она теперь в собственности у девчонки! Кто знает, какие еще опасные раритеты хранятся на полках старинной библиотеки? И на что они способны...

Когда успокоили мою старшую сестру, продолжили оглашение завещания:

– *Моей невесте, Изабелле Марлин Уильярд дарю пару пистолетов из моего кабинета. Пусть хранит на память обо мне.*

Да я и с одним пистолетом вас не забуду! Второй-то мне зачем? Даже если и предположить, что Ларкинс каким-то чудом узнал будущее так подробно... Стоит, конечно, уточнить у магов, но точные предсказания, тем более на десять лет вперед считаются невозможными!

– Невеста! – голос Стеллы сорвался в писк. – Да ничего она не получит!

– Ничего мне и не надо! Я не знала, что отец задумал!

– Не знала она! Да все ты знала! Змея подколотная! Если бы не похоронили так быстро, так наверняка и замуж за труп вышла бы!

– А что? В газетах писали, что такое возможно, – вставил Марк Аврелий.

Соммерсонши постучал ладошкой о стол. Вышло громко.

– *Я продолжу, если вы не возражаете? Моему возлюбленному племяннику отдельно завещаю все драгоценности из сейфа в кабинете. Если, конечно, он сможет их удержать. Ему и всему его семейству, которые считают себя самыми умными, также будет принадлежать ЛилиХолл. Сроком на год. Они вольны делать все, что посчитают нужным и целесообразным. Если за год ничего не изменится, то поместье, прилегающие земли с доходом, а также все мое движимое и недвижимое имущество, за исключением указанного выше, будет передано во владение Церкви и господина Шепарда.*

На сим откланиваюсь. Не хворать и до скорой встречи.

Ваши дядюшка.

Нотариус закончил чтение и в полнейшей тишине аккуратно сложил документ в портфельчик.

– Что это значит на год? – глухо выдавил из себя Роббинсон.

– А после? Неужели мы останемся нищими? – его жена приложила платочек ко лбу.

– Насколько я могу судить из написанного, – важно произнес законник. – Где-то в поместье есть документ с дополнительными условиями к завещанию. И да, если они не будут обнародованы в течение года, то все останется так, как есть. Естественно, продать поместье не представляется возможным.

– Кто этот, Шепард? И почему он претендует на наши деньги?

– Я не вправе оглашать такого рода информацию.

– Я буду оспаривать завещание! Марк, ты же будущий юрист! Должна же быть лазейка...

– Отец, документ составлен в присутствии нотариуса, заверен подписями и действительной магической печатью.

– Но он же явно был не в своем уме! – заламывала руки моя старшая сестра.

– В завещании и не указано, что он был в трезвом уме и добром здравии!

Женщина подавилась очередными возражениями.

– Значит, будем искать... – Альбрус откинулся в кресле и в задумчивости начал рассматривать присутствующих.

Стелла с лихорадочно блестящими глазами схватила меня за руку:

– Белла, милая, прости меня! Совсем с чувствами не справляюсь! Прости за резкие слова, сестренка!

– Все хорошо, дорогая. Я не обиделась.

Неужели никого не смутило абсурдность завещания?

А Стелла... Это Стелла. Она всегда такой была.

– Ваше Сиятельство, вы ведь к нам надолго? – вежливо спросил Роббинсон-старший.

– Да. У вас очень милый городок и интереснейшие люди, – без эмоций кивнул Джеремайя.

– У меня к вам деловое предложение, граф. Как видите, наш глубоко уважаемый родственник решил напоследок проявить свое оригинальное чувство юмора. Как вы смотрите на то, чтобы найти спрятанное?

Лорд Мансфилд приподнял бровь со шрамом:

– Господин Робинсон, вы в курсе, что поиск сокрытого зачастую обнаруживает очень неллицеприятные вещи?

Я бы восприняла эту фразу как завуалированную в шелка вежливости угрозу. Мой зять лишь небрежно отмахнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.